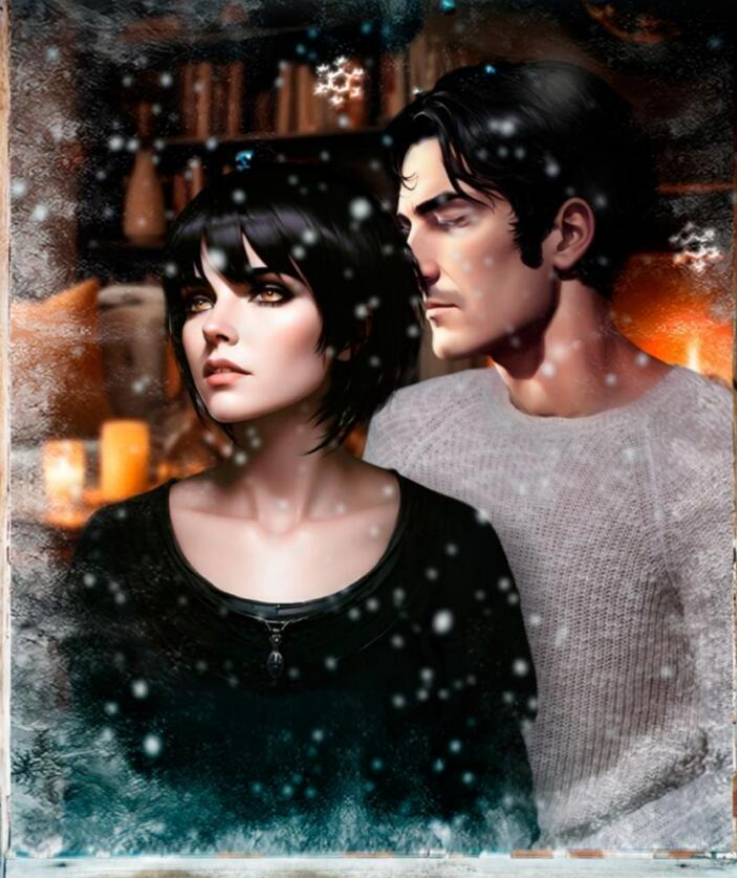

ДАРЫ ЭФИРА

ЕВГЕНИЯ ВЫСОКОВСКАЯ

УРОКИ
КНИГА ВТОРАЯ
ВЕДЬМЫ

18+

Дары эфира

Евгения Высоковская

Уроки ведьмы. Книга вторая

«Автор»

2021

Высоковская Е.

Уроки ведьмы. Книга вторая / Е. Высоковская — «Автор»,
2021 — (Дары эфира)

Продолжение истории про ученицу ведьмы, слишком любопытную, чтобы действовать всегда мудро и рассудительно. Встав когда-то на путь светлого ведовства, Нина шла вперед с сердцем, открытым для добра. Но ей пришлось испытать предательство близких людей, которые отняли самое дорогое – жизнь любимого, – оставив Нину с разбитым сердцем и опустошенной душой. В минуты горя не каждому под силу сохранять баланс белого и темного, и границы между добром и злом слишком размыты. К тому же темные силы часто предстают перед нами в обаятельных и соблазнительных образах.

Содержание

Глава 1. Обезоруженная	5
Глава 2. Происшествие с ребенком	9
Глава 3. Идея, поражающая своей новизной	14
Глава 4. Магия немагического	19
Глава 5. Обычный день Гульнары	23
Глава 6. Обезьяна с гранатой	27
Глава 7. Дом за туманной стеной	32
Глава 8. Подножка в начале пути	35
Глава 9. Новый психолог	38
Глава 10. Безрадостная встреча	43
Глава 11. Ведьмы с кучей проблем	47
Глава 12. Чудесное место с послевкусием	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Евгения Высоковская

Уроки ведьмы. Книга вторая

Глава 1. Обезоруженная

За окнами хандрила поздняя осень. Она то рыдала в три ручья, заливая все дождем, то свистела и подвывала, а ветер гудел и врезался в стекла. Я стояла у окна и смотрела, как внизу разноцветные круги зонтов быстро перемещаются по улице. Редкие прохожие торопились скорее добежать до своих домов и укрыться от непогоды.

Было начало ноября, вечер пятницы. Пару часов назад я тоже так бежала под дождем, а теперь из теплой уютной квартиры наблюдала, как спешат остальные.

На выходные обещали такую же погоду, и меня это совершенно не расстраивало. Напротив, я предвкушала, как буду два дня предаваться ничегонеделанию, в тепле, с пледом и чашкой кофе. Начну смотреть какой-нибудь затяжной сериал или читать, а может быть, так же, как сейчас, встану у окна и буду следить за буйством стихии.

«За окном осень безумная бесится.

То ли напиться, то ли сразу повеситься...» – пробормотала я. Надо же, почти как Ленка стала. Она тоже все свои эмоции тут же на стихи перекладывала. Правда, повеситься мне уже не хотелось. А вот выпить по случаю пятницы – самое то.

Я достала из бара бутылку красного вина, наполнила бокал и снова прильнула к окну. Разноцветных зонтов внизу стало совсем мало. Почти все добрались до дома. В голове продолжала вертеться строчка про бешеную осень. Я пыталась как-то продолжить, чтобы получилось четверостишие, но ничего больше не приходило на ум.

Сколько времени прошло с тех пор, как мне на самом деле хотелось... если не повеситься, потому что это просто не мой способ, то как-то иначе свести счеты с жизнью? Месяца три, наверное. Сейчас я старалась даже не вспоминать про дни, что последовали за той безумной ночью, буквально перенасыщенной ужасными и трагическими событиями. Вместо того, чтобы вначале отстрадать, а затем впасть в депрессивное безразличие, я сделала все с точностью до наоборот. Вернее, это не я сделала, а со мной так сделалось. Первые дни я действительно была апатична и пришла к выводу, что на мсть у меня нет уже ни сил, ни мотивации. Я валялась дома и смотрела унылые и мрачные скандинавские детективы, потому что от бодрых оптимистичных фильмов мне становилось еще хуже. У меня даже плакать не осталось сил: наверное, я выплакала все в первый же день. Я предполагала, что со временем это состояние постепенно рассеется, я потихонечку войду в колею и начну восстанавливаться.

Однако спустя некоторое время я поняла, что на смену апатии приходит не успокоение, а агрессия, злость и горькое чувство несправедливости. И, если вначале у меня даже получалось не думать об Антоне, вдруг все воспоминания нахлынули разом, накупились на меня и принялись терзать. Я поняла, что ни капельки не успокоилась и не приняла произошедшее и мне все так же больно и мучительно. Я злилась на эти «отложенные» страдания, которые я должна была уже отстрадать, а вместо этого получила только сейчас.

После одного из сильных приступов боли я буквально поселилась в своей магической комнате, перерыв там кучу эзотерической литературы в поисках нужной мне информации. Я хотела связаться на расстоянии с Мариной и что-то сделать. Я пока даже не знала, что. Хотя бы влезть к ней в голову и понять: зачем? За что?! Но в моих книгах ничего не нашлось – то были белые книги. Собственными знаниями по темной магии я тоже не владела: Марина показывала мне только защиту от нее. В конце концов я попыталась самостоятельно сотворить

что-то на расстоянии, вроде того, как воздействовала на мост, но появилось лишь ощущение, что я посылаю сигналы пустоте.

Я пребывала в полной растерянности, вдруг осознав, что у меня вообще не получается работать на темной стороне. У меня не было для этого ни нужных знаний, ни мест, где их можно почерпнуть. Сайты в интернете, посвященные темной магии, при ближайшем изучении оказывались полной ерундой. Я даже подумала, что вдруг вообще не способна к такому? Но у меня же получалось, получалось в ту ночь и на следующее утро... Что же произошло? Тогда я была переполнена болью и гневом, и это придало мне сил, а сейчас я просто сижу и страдаю, поэтому ничего не выходит? Или ведьмы, снова объединившись в круг, еще и заблокировали меня? Я вдруг ощутила себя совершенно беспомощной и потерянной. Оказывается, пока рядом была наставница, я двигалась вперед и у меня получались удивительные вещи, но стоило мне разорвать с ней связь – и я разучилась? Разве так бывает? Да я же смогла создать почти живое существо! Куда это все делось? Неужели опять виноваты ведьмы?!

Я чувствовала, как во мне снова вскипают злоба и бешенство, и пыталась сконцентрироваться и направить всю эту негативную энергию куда следует. Я помню, как стояла в темной, освещенной только свечами магической комнате, выставив перед собой руки. Я призывала всю свою боль и ненависть, они наполняли меня и, преобразуясь в какую-то силу, словно стекались в ладони. Меня била дрожь, но это было приятное ощущение. Оно не походило на озноб или нервное возбуждение. Скорее, казалось, что сквозь меня пропускают электрический ток, и он не причиняет мне боли, просто все тело вибрирует от него. Я с восторгом почувствовала, как внутри комнаты кружится вихрь. Он поднимал и трепал мои волосы, над головой закачалась люстра, затрясся книжный шкаф, и вдруг с него полетели книги, словно невидимая рука с силой выталкивала их с полок. Пламя свечей припадочно моталось из стороны в сторону, но они не гасли, а, наоборот, будто бы разгорались сильнее. Я ликовала, потому что попала в этот водоворот, подхватила энергию тьмы, вооружилась ею и готова была использовать. В тот же момент вдруг раздался сухой хлопок и пошел трещинами хрустальный шар, который я когда-то купила в «Белых облаках» больше для антуража, чем для гаданий. Он покрылся сеткой царапин и потерял прозрачность, и в этот миг вдруг все резко стихло.

Выровнялось пламя свечей, перестали бешено перелистываться страницы книг, наступила тишина. Дрожь, проходящая сквозь тело, тоже исчезла. Пришло абсолютное, ватное спокойствие. Еще не понимая, в чем дело, я подошла к столу, где лежал шар, и взяла его в руки. Просто матовое стекло, словно покрытое слоем кракелюра. В недоумении я оглядела комнату, ощутив прилив разочарования. Ну, ничего. Я попробую еще раз!

Я сосредоточилась и снова вытянула руки, но больше ничего не происходило: казалось, вся энергия просто утекала в землю. У меня не получалось. Как будто что-то перегорело. Сделав еще несколько безуспешных попыток, я решила прерваться.

Все это очень сильно меня озадачило. Я чувствовала себя первоклассницей, которую в середине года неожиданно перевели в другую школу. Я не знала ни одной темной ведьмы, не представляла, где искать таких ведьм, и, самое главное, я не хотела с такими ведьмами связываться. Не надо больше никаких обществ и кругов! Я хочу быть сама по себе! Но сама по себе я почему-то была сейчас бессильна.

«Ничего, отдохну и попробую еще раз», – решила я.

* * *

Тянулись дни. Я тщетно пыталась открыть в себе способности, но ничего не выходило. Снова возвращались догадки, что это ведьмы как-то отняли или заблокировали мои силы. Возможно ли было такое в принципе? У них остался мой кнотен, спрятанный в доме. Вдруг они наложили на него заклятье, чтобы обезоружить меня? О боги! Им мало показалось отнять

самое дорогое, что у меня было – любимого человека! Они еще решили лишить меня моего магического дара?! Эти стервы забрали у меня все! Как же я ненавидела их!..

Я устала. Безгранично устала от всего этого. Только плакала и злилась, злилась и плакала. Тогда-то я и стала думать о том, чтобы все закончить. Перебирала мысленно разные способы, представляла себе, как все лучше устроить. Но, возможно, эти мысли просто служили мне симулятором, своего рода боксерской грушей, а на самом деле я не собиралась ничего с собой делать. То есть я проигрывала мысленно разные сценарии, упивалась ими, убивала себя в фантазиях снова и снова, и это было сродни какой-то извращенной терапии, отвратительной и совершенно ненормальной, но, тем не менее, действенной.

Трудно оценить степень адекватности состояния, в котором я теперь пребывала после всех своих самостоятельных сеансов психотерапии. Я вдруг полюбила осеннее ненастье. Меня стала радовать перспектива просидеть дома в дождливые выходные. Мне нравилось, что нет повода куда-то идти, раз на улице такая погода. Я полюбила серые тоскливые тучи, почти облепившие деревья, бесконечные нити дождя за окном. Мне стало хорошо в собственном обществе и не хотелось никакой другой компании. Где-то в глубине души я понимала, что это неправильно и так быть не должно, но зачем об этом думать?..

* * *

Я снова вспомнила про Ленку. После тех событий со Славой мы с ней общались очень редко. Он пришел в норму и бросил пить, но они окончательно разошлись. Говоря «пришел в норму», я имею в виду последствия приворота, но не Славино здоровье. Тяжелейшее отравление одним из самых страшных ядов не могло не оставить отпечатка на его организме. Реабилитация заняла почти год, очень пострадали почки и печень. Славка получил инвалидность и с тех пор про Ленку даже слышать не хотел. Точнее, не мог. Он сказал, что при упоминании о ней его тошнит и скручивает, и попросил ее не появляться у него на горизонте. Лена нашла в себе силы послушаться и больше не приходила его навещать, только умоляла, чтобы он звонил ей, если что-то понадобится. Что угодно. Но Слава не позвонил.

А, в общем, она все-таки добилась же, чего хотела. Желала избавления от него – вот и получила. Поэтому расставание принесло ей облегчение. Совесть, правда, мучила, наполняя ночи саморефлексией и, как следствие, бессонницей. Когда все эти безумные события отошли в прошлое, перед Леной раскрылось наконец во всей красе, что она натворила, и она, конечно, не могла себе этого простить. Каждый раз она бубнила мне про свои планы на уход в монастырь, но пока все ограничивалось словами. Я ничего ей не советовала. Не отговаривала и не поддерживала. Да и говорили-то мы нечасто. Потом появился Антон, и я, по известным причинам, на какое-то время вообще потеряла связь с внешним миром. Когда же Антон ослабил узы, я несколько раз созванивалась с подругой, но мы так и не встретились.

Теперь же мы потихоньку восстанавливали наше общение, но до встречи пока дело не дошло. Я хотела ее увидеть и каждый раз в начале недели планировала позвать к себе в один из выходных дней. Но наступала пятница, и я, представляя, как будет здорово провести очередные субботу с воскресеньем в прекрасном обществе себя самой, Ленку в итоге не приглашала.

Сейчас, глядя в окно на дождливый двор, я опять подумала о подруге. Можно было предложить ей приехать в надежде, что в такую погоду она и сама откажется, и тогда со спокойной совестью наслаждаться одиночеством. Но что, если она вдруг согласится и придет?..

Так и не решившись на звонок подруге, я, прихватив бутылку вина, прошла в магическую комнату, которая теперь являлась просто напоминанием о времени, когда я могла колдовать, зажгла несколько свечей и, поставив вино на пол, забралась с ногами в уютное кресло. Из-за его подлокотника торчал черный гриф гитары. В последнее время я вспоминала то, чему когда-то училась в музыкальной школе. Сначала руки не слушались и пальцы ставиться не

хотели, но постепенно дело пошло на лад. Я выудила инструмент из-за кресла и, расположившись поудобнее, стала наигрывать простенький вальсовый мотив, тихонько подпевая гитаре.

*Ты же ведьмой была,
А теперь ты в житейских заботах
Потеряла иль где-то забыла свое помело.
Только в сердце игла,
И сковало, запутало что-то,
И твое косоглазие вдруг почему-то прошло.*

*Ты гадала легко,
И, глаза за ресницами пряча,
Улыбалась таинственно, глядя в расклады таро.
Но бежит молоко,
Надрывается дочка от плача,
И твое окружение – пеленки, посуда, ведро.*

*Ты стоишь у окна,
И мерещится чуть еле слышно,
Что подружки зовут, пролетая, с собой на шабаш.
Только ты не одна,
И следит за тобою всевышний,
И за все колдовство этот мир ты уже не отдашь.*

*Только дочка порой
Как посмотрит с усмешкой лукавой,
Как блеснет в уголках ее глаз огонек колдовской.
Ты потом ей открой,
Где растут все волшебные травы,
И ведуньину песнь на мотив заклинания спой.*

«Скажи мне, кто твой друг», – подумала я, снова вспоминая Ленку. Теперь я, как и она когда-то в любой тяжелой ситуации, писала стихи. Правда, подруга не умела петь. Наши походы в караоке лучше не вспоминать. Когда она с искренним воодушевлением начинала голосить «Шальную императрицу», мне хотелось провалиться под землю. А ей было все равно: она знала, что слух отсутствует напрочь, но просто очень любила петь. Надо было все-таки сходить с ней куда-то, да хотя бы в то же караоке. Пока она еще не спряталась за монастырскими стенами.

Что-то зудело в мыслях и не давало покоя, мешая думать про Ленку и про наш предстоящий поход за развлечениями. Что-то очень тревожное и давящее. Ах, да. Моя же песня. Слова про дочку. Не знаю, почему я написала именно такие стихи. Дочка ведьмы. Я теперь никогда не узнаю, могли ли у нас с Антоном быть дети. А если бы могли?..

Щекам стало горячо: я не смогла сдержать слез. К черту караоке и Ленку с ее бездарным пением! К черту дурацкие стихи! К черту проклятых ведьм!

Я дотянулась до бутылки вина, вытащила пробку и сделала несколько больших глотков прямо из горлышка. Подступающая было к сердцу боль слегка притупилась. Если что, у меня в баре еще достаточно этого лекарства.

Глава 2. Происшествие с ребенком

История глазами Марины

Недавно произошло странное событие. Незнакомая девушка упорно мне названивала и писала сообщения, пытаясь назначить встречу. Она твердила, что это очень важно и для нее, и вообще. Я не представляла, что от меня может хотеть совершенно незнакомый человек. На наши с Ниной сеансы когда-то давно приходили не известные нам люди, но эти встречи в любом случае организовывались через знакомых. Меня-то и найти было не так просто, я телефон никогда в открытом доступе не оставляла, в социальных сетях рекламу услуг не делала. Да и вообще в последнее время мне было не до сеансов. После истории с Ниной так тоскливо было, руки опустились. У девчонок моих тоже все вдруг расстроилось. У Гули, у Лады... Про Варвару и говорить нечего: совсем она разболелась. Но сейчас не об этом.

Девушка эта выносила мне мозг, выносила, а в конце концов еще и выдала, что это ее важное дело связано с магией. Я тут же напряглась, а она вдруг добавила, что перед этим говорила с Ниной.

– Это Нина мои контакты вам дала?! – ахнула я, не веря своим ушам.

– Да нет, – на том конце провода раздался досадливый вздох, – эта Нина не особо была разговорчивой. Сказала, что не может мне помочь, и ушла.

Я на мгновение замерла. Она виделась с Ниной. Может быть, хотя бы что-то от нее узнаю? Со мной и другими ведьмами Нина на контакт не шла ни в какую. Просто разорвала все связи, словно и не было ничего. Я до сих пор не могу от этого отойти. Все думаю, вдруг мы и впрямь ошиблись, что сотворили такое. Хотя я точно знаю, что не должны были оставлять фантом в этом мире, но, может быть, как-то надо было это иначе сделать? А так, по мнению Нины, мы действительно ее заманили обманом и предали. Только я одного не понимаю, как она вообще к этому искусственному созданию смогла что-то чувствовать? Испытывать нечто настолько сильное, что возненавидела нас всех? Ну не на мордаху же его неопишущую она так повелась?.. Одно знаю: если действительно таким способом мы смогли остановить что-то плохое, то все сделали правильно.

В общем, как бы то ни было, после слов о Нине я согласилась увидеться с этой девушкой. Она представилась Ксенией. Мы договорились встретиться в кафе, попить кофе и поговорить. Домой я ее категорически пускать не хотела. Кто знает, может быть, это вообще только предлог? Может, это Нина что-то задумала... Ведь пыталась же пробиться к нам на расстоянии, хорошо, мы успели тогда все сделать.

* * *

Мы с Ксенией расположились в «Шоколаднице» и пили там ароматный капучино. Моя новая знакомая поведала любопытную историю. Говорила она очень образно, приправляя свой рассказ яркими эпитетами и речевыми оборотами, так что я почему-то сразу прониклась к ней симпатией. Я невольно сравнивала ее с Ниной, хотя она совершенно была не похожа на мою бывшую подругу. Длинные русые волосы Ксения заплетала в толстую косу. Выбившиеся из косы легкие прядки закручивались надо лбом в забавные кудряшки, наверное, от влажного воздуха: был конец осени, на улице шел мелкий затяжной дождь. Рассказывая, она периодически вскидывала на меня открытый взгляд спокойных серых глаз.

С некоторых пор ее стали донимать соседи сверху. С того времени, как их сын подрос до той степени, что научился бегать, делал он это непрерывно. Хотя во дворе она его видела исключительно редко. Такое ощущение, что бегал он только по квартире, причем топал на

удивление громко и тяжело. В их доме между этажами буквально картонные прослойки, и слышно было иногда даже разговоры на повышенных тонах. От топота же пары резвых детских ног, казалось, эти перегородки сейчас проломаются.

Родители его были довольно милой и с виду тихой семейной парой, и Ксения не ожидала, что возникнут какие-то проблемы, если она просто вежливо попросит, чтобы ребенок играл немножко потише или хотя бы пореже.

Папаныя по ее описанию был похож на длинный стручок, он даже одевался в зеленое. Мама ждала второго и ходила в последнее время с блаженно-вытянутым лицом, никогда не красилась, волосы собирала всегда в низкий жиденький хвостик. Когда они шли втроем, малыш бежал между ними, почти повисая на руках обоих родителей, подскакивал, подпрыгивал, но не кричал и не ныл. Ксения думала, что им удастся легко договориться. Терпеть топот уже просто не было сил: в последнее время ее даже стала мучить мигрень.

Как-то встретив эту семью на улице, девушка подошла и миролюбиво заговорила с ними, попросив слегка сократить топот в квартире.

– У нас такая слышимость хорошая, – сказала она чуть ли не извиняющимся тоном. Ксюша думала, мол, вдруг они не знали, что так все слышно. Может быть, их соседи никогда не шумят. Она, например. – Пожалуйста, пусть ваш сынишка играет немножко потише.

Если бы у женщин хвосты на голове вели себя как кошачьи, то жидкий хвост мамани обязательно бы поднялся вверх и распушился. Надо было видеть, как мгновенно убралось с ее одутловатой физиономии умильное выражение. Рот скривился, а глаза из припухших щелочек резко стали круглыми и пустыми.

– Вам что, ребенок помешал?! – возмущенно воскликнула она. На звук голоса за ее спиной мгновенно вырос зеленый стручок, который до того возился с сыном неподалеку.

– Что случилось, мамми? Что этой от тебя надо?

Обескураженная тем, что ее ни с того ни с сего назвали этой, и общей реакцией семейства, Ксения приняла оборонительную позицию, но старалась пока не заводится.

– Ну что вы, – ответила она как можно спокойнее, – мне не помешал ребенок. Но меня очень утомляет его постоянный топот. Он бегает, прыгает, играет в футбол. – Ксения действительно слышала порой детский крик «Гол!». – Иногда тарыхтит самокатом. Все-таки некоторые игры можно было бы перенести на улицу.

– Это же ребенок! – неожиданно заорала на нее «мамми». – Где ему хочется, там он и будет играть. Ему надо двигаться! И если для этого он выбирает комнату, то будет бегать там!

Стручок высунулся из-за ее плеча:

– Если что-то не нравится, поменяйте квартиру! А мы ничего в нашей жизни менять не собираемся!

– Конечно, своих-то нет! – ехидно вторила ему жена. – Так всегда, когда своих не получается завести, на тех, у кого получается и даже не одного, – она любовно погладила выпуклый живот, – хочется собак спустить!

– Ой, да ладно, дурное дело не хитрое. – Ксения наконец встала в позу. – И второго вы пока еще не родили, так что не забегайте вперед.

– Что? – взорвалась семейка. – Ты думай, что говоришь! Тебе и одного-то слабо!

Итак, близкие соседки перешли на «ты». Ксения, конечно, знала, что не надо трогать кое-что, чтобы оно не воняло. Но она не ожидала, что эта милая пара как раз и есть то самое «кое-что».

– Значит, по-хорошему не хотите? – процедила она, сверля их взглядом.

– Иди погуляй, заведи своего, и пусть он у тебя шепотом разговаривает и по квартире ползает. А наш ребенок здоровый, хочет бегать и будет бегать! – попытожила «мамми».

– Ну что ж, ладно, – мрачно произнесла Ксения, нахмутив брови. Она импровизировала, уже сама не зная, зачем. Просто не хотелось вот так вот отходить от них побежденной и обла-

янной. – Бегаешь, значит, ну пусть бегаешь. Пусть топает. Смотрите только, чтобы не испортилось вдруг то, чем он это делает. Вспомните тогда еще.

Произнесла последние слова ледяным тоном, она медленно развернулась и ушла в подъезд. Вслед ей неслась грубый смех и что-то вроде «Типун тебе на язык, дура!».

С тех пор топот значительно усилился. У Ксюши было ощущение, что ребенок не просто бегаешь и прыгает, а что забирается повыше и спрыгивает оттуда, и иногда даже казалось, как бы абсурдно это ни звучало, что топот издает не только ребенок. Думается, ему иногда помогал и папа.

А потом вдруг все резко стихло. Где-то примерно через месяц после того скандала. Ксения пришла домой с работы и поняла, что ее ничего не раздражает. Дом впервые за долгое время показался девушке уютным пристанищем. «Неужели они куда-то уехали? Может, отдыхать... Может, эта тишина всего на недельку...» Ей даже захотелось взять отпуск, чтобы успеть насладиться спокойствием в своей квартире.

Через пару дней в дверь позвонили. В глазок Ксения увидела соседку сверху.

«Надо же, не уехали. Может, сына просто к бабушке отправили? Самих топот достал?» – подумала она и открыла дверь.

«Мамми» стояла на пороге с нескрываемой злобой на лице. Вокруг ее глаз были большие красные круги, как будто она очень долго плакала и терла веки. Тонкие губы подрагивали, и вообще ее всю трясло в буквальном смысле этого слова.

– Ты! Что ты сделала, стерва поганая?! – начала наступать на Ксению соседка. – Это все ты виновата, дрянь! Тебе это так не пройдет!

– Вы о чем? – протянула девушка в полнейшем недоумении, так и не пересилив себя, чтобы тоже перейти на фамильярное «ты».

– Знаешь, о чем! Верни все обратно! Как ты могла? Это же ребенок!

Ксюша заволновалась и стала припоминать ту встречу. Она тогда какой-то ерунды в сердцах наговорила женщине, может быть, что-то случилось?

В итоге выяснилось, что драгоценное чадо сломало-таки ногу и пока лежит в больнице. Вот откуда тишина. Но она-то тут при чем? По всей видимости, тогда не придав значения Ксениным «пророчествам», теперь, когда случилось несчастье, семейка об этом вспомнила и решила, что девушка в действительности напустила на их сына какую-то порчу.

– Когда срастется? Когда заживет?! Отвечай теперь! – вопила мамаша.

– Откуда я знаю, я ортопед, что ли? Мой перелом за три недели сросся, но это была рука, – пробормотала Ксюша.

– Ну, ничего, мы на тебя найдем управу, держись! – проорала соседка и убежала к себе наверх.

«Вот же черт меня дернул тогда за язык, – с досадой на себя подумала Ксения. – Теперь эта полоумная мне все свои беды приписывает!»

Потом уже от других соседей по дому (из тех, что оказались на ее стороне) Ксения узнала, что сын скандальной девицы не просто где-то там сломал ногу, а именно в квартире, спрыгивая со стула, который был поставлен на стол специально повыше, чтобы громче топнуть. Но это тоже было не в Ксюшину пользу, и скоро жильцы дома разделились на две группы. Одна из них стала ненавидеть мою собеседницу и опасаться, как настоящую ведьму. Часть второй группы просто переживала за то, что девушке удалось вляпаться в такую нелепую историю, а еще часть, совсем незначительная, проявила горячий интерес к Ксюшиным колдовским способностям и стала напрашиваться к ней в друзья, ожидая от нее новых «чудес».

И так они в нее рьяно верили, что Ксения сама начала задаваться вопросом – а вдруг и правда все произошло не случайно? Сначала она отмахивалась от этой мысли, как от полнейшей нелепицы, а затем решила разобраться и выяснить, нет ли и в самом деле у нее каких-то способностей. Перебрав несколько шарлатанов, которые ничего сказать толком не могли, но

очень хотели денег, она вдруг каким-то образом вышла на Соню – ей Нина когда-то помогла избавиться от бесплодия. Та дала ей контакты Нины, правда, толку от этого не оказалось никакого. Не добившись ничего от нашей бывшей подруги, Ксения снова принялась теребить Соню, пока та не разыскала заодно и мой номер.

И вот сейчас девушка очень просила меня помочь ей понять, имеются ли у нее какие-то способности или все это нелепое совпадение. Мне совершенно не хотелось знать, есть ли у нее силы, и тем более не хотелось бы брать на себя ответственность за их развитие. Мое первое и последнее наставничество как-то уж слишком печально закончилось. Но, тем не менее, я чувствовала, что должна ей помочь. Просто помочь определиться. Если ничего там нет, то она успокоится и расслабится. Ну, а уж если есть... Учить я ее не буду, но, по крайней мере, может быть, направлю к нужному человеку.

– Я очень постараюсь помочь тебе понять, есть ли у тебя особый дар, – наконец сказала я. Ксюша тепло взглянула мне в глаза.

– Спасибо, Марина, спасибо большое! – Она в порыве благодарности на мгновение сжала мои руки, лежавшие на столе, в своих. Затем неловко отпустила их и спрятала ладони на коленях. – Я просто хочу узнать и успокоиться. Я бы с удовольствием, конечно, услышала, что у меня никакой силы нет. Потому что я как представляю, что бедный ребенок и впрямь из-за меня ногу сломал!..

У нее в глазах заблестели слезы, и она их сморгнула. Ксения искренне переживала, что могла навредить кому-то, и я подумала, что тоже очень хочу, чтобы у нее не было никаких магических способностей. Пусть это будет просто случайность. А точнее, родительский недо-смотр. Как можно было поощрять совсем маленького ребенка залезать на такие неустойчивые конструкции, и все для того, чтобы нервировать соседку?

– Я же просто так наговорила этой ерунды, – продолжала Ксения. – Ну, чтобы разозлить, ответить на хамство. Я не должна была ребенка вообще упоминать. Как у меня язык-то повернулся? Я почти сразу и пожалела об этом, но сказанного-то не воротишь. Думала, ну все, поскандалили, потом забыли. А он взял да расшибся!

– Ничего, Ксюш, я думаю, что это случайность, – спокойно сказала я. – Дети падают иногда, тем более, если залезают на стул, который стоит на столе. И это не твоя вина, а его родителей, поверь.

Девушка понемногу стала успокаиваться. Видно, что она давно себя уже накручивала и виноватила. Ничего, выясним, что к чему, разберемся. Ладно уж, можно и у меня сеанс провести. Не в кафешке же... А теперь мне хотелось бы тоже получить ответы на кое-какие вопросы.

– Ксюш, а ты не расскажешь мне про Нину? Я давно что-то с ней не виделась, как она? Девушка с недоумением пожала плечами.

– Да я не знаю. Ничего такого в ней не заметила особенного. Симпатичная девчонка, мрачная только слишком. Глаза потухшие. Но я же не буду спрашивать у незнакомого человека, почему у него настроение плохое...

– Само собой, – кивнула я и размыто пояснила: – У нее были неприятности. Я хотела знать, может, уже все наладилось.

– Честно, я не знаю. Мы с ней нигде не сидели, просто на улице пересеклись, говорили-то минут пять-десять от силы. Я ей хотела тоже свою историю рассказать, но она не стала слушать, поторопила, мол, что мне надо-то в итоге? Я объяснила: понять, есть ли у меня магические способности. А она на меня взглянула как-то дико и усмехнулась еще. Пробормотала что-то вроде «ну вы даете!» и разве только пальцем у виска не покрутила. А потом сказала, что помочь мне не может, мол, у нее самой нет никаких сил. Я говорю, мне сказали, что есть. А она буркнула, мол, тебе наврали.

– И что дальше?

– Ничего. Обогнула меня и пошла куда-то, не оглянувшись даже.

Я задумалась. Неужели у нас получилось? Когда мы заговаривали ее дар на кнотене, мы и на успех не особо-то надеялись. Казалось, что столько в ней силы уже темной! А, значит, все-таки сработало! Кнотен мощный у нее. Как здорово, что тогда она его в доме оставила, чтобы Ленкин приворот блокировать.

– А что у нее с волосами сейчас, Ксюш? – задала я вопрос, который удивил мою собеседницу.

Она недоумевающе уставилась на меня.

– Волосы как волосы, а что должно быть?

– Ну, нет ничего странного?

– Нет. Просто темное каре. Возможно, крашеное.

Ну да. Было бы странно, если бы она не покрасила седую прядь. Отчего только она у нее появилась? Неужели из-за гибели фантома? Вот же ее угораздило-то...

Я почувствовала на себе выжидающий Ксюшин взгляд и поспешила ее успокоить, что просто интересуюсь подругой, с которой не очень хорошо когда-то рассталась. Самой, мол, звонить как-то рука не поднимается. Думала, ты расскажешь.

– Да я все вроде рассказала, – протянула девушка.

На этом мы нашу встречу первую закончили. Я пообещала, что скоро позвоню ей и позову к себе, чтобы выяснить, наделила ли судьба Ксению каким-то особым даром и виноват ли теперь этот дар в том, что случилось с ребенком. А мне предстояло сообщить подругам хорошую новость, что наш ритуал с кнотеном Нины сработал и сейчас она безопасна для себя и других.

«Если, конечно, она не соврала Ксении», – вдруг толкнулась в голове мысль.

Глава 3. Идея, поражающая своей новизной

Я обнаружила себя лежащей на полу в неудобной скрюченной позе, под головой была какая-то тряпка. В висках пульсировала кошмарная боль. Во рту стоял отвратительный горький привкус, и ужасно хотелось пить. Я с трудом разлепила тяжелые веки и огляделась по сторонам, пытаясь вертеть головой как можно осторожнее, чтобы не взбудоражить боль еще сильнее.

Плотно задернутые шторы почти не пропускали свет, и я не смогла определить, какое сейчас время суток. Кое-как я доползла до стола и включила настольную лампу. Стол был обильно залит застывшим воском от полностью расплавившихся свечей. Около кресла стояли две пустые бутылки из-под вина. Ого, во как умею! Неудивительно, что я в таком отвратительном состоянии.

Я со стоном поднялась на ноги и отдернула занавески. В окно проникло немного пред-рассветного утра. Серого, унылого ноябрьского утра. Я еще раз оглядела комнату. На полу в области моей лежанки валялись какие-то фотографии и синяя футболка, в утренних сумерках кажущаяся темно-серой. Я подняла картинки, и у меня защемило сердце: Антон... Я все-таки успела сделать несколько снимков за недолгое отведенное нам время.

Значит, вот чем я вчера занималась. В голове потихоньку стали проявляться события этой ночи: напилась до невменяемого состояния и предавалась тоске и страданиям, перебирала фотографии, тискала майку, ревела, поди, еще. Глаза действительно очень резало. Все это понятно, конечно, прошло совсем немного времени. Но две бутылки!.. От этих мыслей к горлу подкатил противный комок, и я резко зажала рот, пережидая приступ тошноты.

Стараясь передвигаться как можно более плавно, чтобы случайно не тряхнуть головой, я дотелепалась до кухни, вытащила из холодильника пачку «Нурофена» и проглотила сразу две таблетки, запив их огромной чашкой холодной воды. Мне немножко полегчало. Я поставила на плиту турку, чтобы сварить кофе.

А вроде вчера так приятно начинался вечер. В доме было уютно, за окном шел дождь. Я даже на гитаре поиграла. Но что было дальше, вспоминалось уже слабо. Неправильно это, не нужно так. Боль притуплялась ненадолго, но не проходила, а на следующий день эта тоска почему-то усиливалась многократно. Любимого мне уже было не вернуть, и я не хотела больше так страдать, не хотела сидеть над стопкой фотографий, спать, уткнувшись лицом в футболку... Мне надо было отвлечься, но я не знала, как. Меня не тянуло никуда ходить, ни с кем общаться. Поэтому каждая неделя в итоге заканчивалась примерно так же, как и в этот раз. Но чтобы аж две бутылки за вечер!..

В похмельный мозг опять застучала дурацкая мысль, которую я уже давно пыталась отогнать. Она с завидным упорством возвращалась. Идея была следующего содержания: а не сходить ли мне к психологу? Обычно я отвечала на нее: а не сходить! Но только мысль не сдавалась. Сейчас она снова вернулась и, кажется, прочно поселилась в голове, все еще раскалывающейся от вчерашних излишеств. Ну а, собственно, почему бы и нет? Если не проходит душевная боль... Не к ведьме ж мне теперь обращаться! Я ж уже решила, к черту ведьм!

Мне даже стало немного смешно от таких рассуждений, и я прыснула, но тут же пожалела об этом, потому что даже это невинное действие снова отдалось мне гигантским молотом где-то внутри головы. Поморщившись, я трясущимися руками стала засыпать в турку кофе.

* * *

Тошнотворный день отходняка я пересидела на диване, кутаясь в плед и поглощая огромное количество жидкости. Сначала я хотела пересмотреть в очередной раз всего Гарри Поттера, но потом сообразила, что там опять будут ведьмы и волшебство, причем в зашкаливающих

объемах, и раздумала. Также сразу отметались все фильмы с акцентом на любовь и романтику, чтобы избежать ненужных ассоциаций, и в итоге я нашла какую-то затяжную космическую сагу с кучей уродливых инопланетян. Вот прямо то, что доктор прописал. Погрузившись в вымышленные звездные миры, я кое-как дотянула до вечера и часов в десять завалилась спать.

А на следующее же утро я все-таки соизволила позвонить подружке. Дело в том, что Лена после тех трагических событий одно время была постоянным клиентом психологических кабинетов, и Слава тоже посещал консультации, чтобы примириться со своей инвалидностью. Ленка успела побывать у разных специалистов, долго выбирала, какое направление ей ближе, в общем, если кто и мог посоветовать что-то дельное на эту тему, так это она.

Подруга, похоже, обрадовалась, что я обратилась к ней за помощью, и подробно поделилась со мной информацией. Конечно, она поинтересовалась, зачем мне вообще это понадобилось, но я выкрутилась, сославшись на тяжелое расставание с женщиной.

– С тем самым, про которого ты говорила, что безумно полюбила? – с ужасом и неподдельным сочувствием прошептала Ленка.

– Да, – вздохнула я. И это было почти правдой. Почти – потому что мы не расставались.

Для Ленки это выглядело самым понятным и рациональным объяснением, и она тактично пробормотала, что если мне захочется поделиться, то она всегда готова меня выслушать, и больше в душу не лезла.

– Так, – раздавался ее озабоченный голос на том конце провода, когда она перебирала свои записи с пометками о знакомых психотерапевтах, – вот очень хороший специалист, и это не только мое мнение, но это психоанализ, так что, наверное, не пойдет...

– Что? Почему не пойдет? – недоумевала я, вообще не представляя, о чем она говорит.

– Ну, это очень долго, и разбирать вы будете все, начиная с самого твоего детства, потому что все проблемы идут оттуда, но тебе же это не надо, – сумбурно объяснила Ленка.

– Ну, раз ты так считаешь, – протянула я. Наверное, ей видней. Она ж в итоге нашла «своего» специалиста, и он ей помог. Раз до сих пор еще не в монастыре-то.

– Так, НЛП тебе не надо, это ересь, я в это не верю, – доносилось до меня. Надо же, в привороты верит, а в какое-то НЛП нет. Ну, значит, однозначно ересь. Но все же я не выдержала и спросила:

– А что такое НЛП?

– Нейро-лингвистическое программирование, – многозначительно вывела подруга.

– Ой, нет, такое точно не надо, – замахала я рукой, хотя Ленка не могла меня видеть. – Я все равно не поняла, что это, но название мне заранее не нравится.

– Вот еще очень хорошая женщина, она когнитивщик, – бодро возвестила Ленка. Для меня это звучало ничуть не лучше, чем НЛП, но я с готовностью записала контакты, которые продиктовала подруга. – А вот эта практикует ЭОТ.

Практикует ЭОТ. Практикует... узелковую магию. Практикует... гадание по таро. Везде какие-то параллели. Кстати, есть что-то, объединяющее психологию и магию. Не все в них верят.

Я отмахнулась от странных мыслей и переспросила у Ленки, что означает очередная аббревиатура. Ленке, по всей видимости, нравилось оперировать этими терминами, и она нарочно говорила непонятно, чтобы я переспросила и у нее появилась возможность показать, каких высот она достигла в области психологии. Мол, постоянные клиенты тоже немножко психологи. Я терпеливо ждала, когда она расшифрует сокращение. То, что раскрыть аббревиатуру – не значит объяснить значение, похоже, Ленку не волновало.

– Что такое ЭОТ? – важно протянула подруга. – Эмоционально-образная терапия. Это очень здорово: быстро и действенно!

– А что это значит-то? Что за терапия?

– Ну, очень хорошее направление в психологии. Там все связано с образами и чувствами, и сеансы такие интересные. В общем, я советую тебе именно к ней идти, ее зовут Светлана Николаевна Борисова. Она еще с МАК работает...

Я потихонечку начинала раздражаться. Ну покрасовалась и хватит! Но спорить с подругой мне не хотелось. Какая, собственно, разница, что это значит? Если и правда хороший специалист, то какое мне дело до его методики? Я все же решила доиграть в эту игру с Ленкой до конца и полюбопытствовала, что же это за МАК такой.

– Метафорические карты, – с готовностью выпалила Ленка. – Ты смотришь на картинки, и тебе ответы сами открываются. Это просто супер, это буквально волшебство!

Я насторожилась.

– И, кстати, Нин! – она загадочно понизила голос. – Вместо метафорических карт иногда даже таро используют! Ты представляешь? Тебе точно должно понравиться!

Да уж, восторг. Вот же черт, еще мне на сеансе у психолога таро не хватало! Почему меня крутит по спирали, почему тянет к тому, от чего я пытаюсь сбежать?

– Ой, нет, подруга, – устало сказала я в трубку. – Гадалки мне сейчас точно не нужны. Я у тебя по поводу психолога вообще-то хотела узнать.

– Да нет, Нин, – посерьезнела моментально Ленка. – Ты не поняла. Это не гадание. Это как ассоциации, что ли. В общем, я не могу объяснить, – наконец честно призналась она. – Но очень рекомендую. Ехать, правда, далековато, но зато Светлана проверенный человек. А не понравится – ну пойдешь на когнитивную.

Я почувствовала, что ко мне возвращается вчерашняя головная боль от новой информации и незнакомых понятий. И, пока я не успела пожалеть, что все это затеяла, я попросила Ленку продиктовать номер Светланы Николаевны. Потом мы еще немножко поболтали о какой-то ерунде, и я, ловко лавируя между намеками подруги на то, что нам уже давно пора встретиться, и своими туманными обещаниями, наконец попрощалась.

* * *

Дня три-четыре прошло в напряженной внутренней борьбе. Часть меня хотела обратиться за помощью, а вторая часть была не готова. Несколько раз я почти уже набирала номер психолога, что дала мне Ленка, а затем представляла, как сижу в каком-то непонятном кабинете и рассказываю совершенно чужому человеку о своих бедах, и не могла нажать на звонок. Наконец ближе к концу недели сомневающаяся часть сдалась, и я позвонила Светлане Николаевне.

На звонок ответил приятный женский голос. Я представилась и добавила, что звоню по рекомендации Елены Косовой.

– Да, я ее помню, конечно. – В голосе появились теплые нотки, и мне показалось, что невидимая собеседница заулыбалась. – Вы тоже хотите записаться на прием?

Я собралась с духом и выдала что-то, выражающее согласие.

– Хорошо, давайте договоримся о встрече, – сказала Светлана Николаевна. – Вы не против, Нина, если я вышлю вам предварительно небольшой опросник? Тогда я смогу подготовиться заранее к нашей беседе, а готовые ответы на некоторые вопросы позволят нам сэкономить время. Вы же знаете, что сеанс ограничен временем?

– Да, конечно, – ответила я, внутренне досадуя: терпеть не могу любые анкеты и опросники, все эти графы заполнять совершенно душа не лежит. Но если так принято... – Сеанс длится час, верно?

– Все верно. Хотя мы можем выбрать формат полуторачасовой встречи. Но для первого раза предлагаю все-таки ограничиться часом, – предложила Светлана.

Она поинтересовалась, удобно ли мне будет встретиться в субботу, мне это подходило, и мы назначили время.

– Скиньте тогда мне на телефон вашу почту, и я отправлю анкету. Вы не волнуйтесь, она совсем небольшая. Заодно я схему проезда к своей консультации пришлю.

Мы попрощались, затем обменялись данными. Я открыла и распечатала опросник.

Вначале шли стандартные для большинства анкет вопросы: фамилия, имя, отчество, возраст, род занятий, семейное положение и так далее. А затем – довольно длинный перечень возможных проблем, среди которых нужно было отметить присущие мне. Недолго думая, я тут же отметила депрессию и негативные мысли. Так, что еще? Глаз зацепился за потерю смысла жизни. Похоже, это тоже можно упомянуть. За этим сразу следовала психологическая травма. Я поставила галочку.

Это были далеко не все беды, которые меня беспокоили, но их я в списке не нашла, а последней строчкой значилось «другое». Можно добавить свое. Но только как написать, что я потеряла магические силы? Или что любимого человека убили мнимые подруги у меня на глазах? И что на самом деле он не совсем человек, поэтому не умер, а превратился в пыль?

Я долго сидела в оцепенении, затем, с трудом удерживая ручку в ватных пальцах, криво вывела: «Смерть близкого человека». Неужели психолог сможет мне с этим помочь? Я горько усмехнулась и вернулась к анкете, которая, оказывается, еще не закончилась. Дальше следовало несколько вопросов, где предлагалось подробнее описать свою проблему, например, давно ли она началась и в чем, по моему мнению, ее главная причина?

– Вот черт! – выругалась я. – Как на это можно ответить? Главная причина – подлые ведьмы?.. Так, что там дальше? Какие средства вы пробовали применить для решения проблемы?..

На этом месте меня неожиданно разобрал безудержный хохот.

– Да я каждую пятницу пытаюсь применить решение этой проблемы! – давась от смеха, восклицала я. – А в последнюю пятницу я применила даже двойное решение! Или два решения!..

Когда смех, больше похожий на истерику, утих, я вернулась к анкете и заполнила ее более-менее правдивыми ответами. М-да, какой смысл мне идти к специалисту, который сможет помочь, только если я буду искренней и честной, а я не могу себе этого позволить?

Быстренько пробежавшись глазами по своим ответам, я состроила скептическую мину, сфотографировала готовую анкету на телефон и отправила ее Светлане Николаевне. Итак, в эту субботу я окажусь в кресле психолога. А может – еще круче – на диване! Буду лежать в расслабленной позе, раскинувшись вальяжно на подушках, а психолог будет спрашивать, хочу ли я поговорить об этом... О чем, об этом? Да не важно. Я столько раз видела подобную картину в кино, но никогда не думала, что сама буду в этом участвовать. Но вдруг мне и в самом деле это поможет? Ленкин голос звучал вполне бодро и жизнерадостно и совершенно не походил на то, как она цедила сквозь зубы, когда я пыталась вывести у нее подробности жизни со Славой. И глухой тихий шелест ее голоса, который я едва могла расслышать по телефону, когда на нее вдруг свалилось осознание содеянного, тоже не напоминал. Сейчас это была нормальная Ленка. Настоящая такая Ленкинская Ленка, как бы она сама сказала. Может, и я похожу к этой Светлане да и стану снова обычной Нинкинской Нинкой?

Наверное, странно, что я, пусть и бывшая, но все же ведьма, обратилась за помощью не к кому-то из своих соратниц, а практически к врачу. Ведь было бы намного проще все объяснить, обратиться я к так называемой коллеге. Не пришлось бы врать и изворачиваться, придумывая правдоподобный сюжет, и, вероятно, мне не просто помогли бы восстановить душевное равновесие, но и вернули бы силы. Одна ведьма наложила заклятье – другая сняла, действие – противодействие. Но теперь само понятие «коллеги и соратницы» для меня звучало как оскорбление. Ведь я не поссорилась с какой-то единственной ведьмой. Меня предала целая группа,

круг, и я не могу больше никому из них доверять. У меня сейчас просто идиосинкразия на ведьм!

Глава 4. Магия немагического

Я вошла в кабинет и с любопытством огляделась. В первые секунды меня накрыло разочарование, потому что это место совершенно не было похоже на те, что я видела в кино. Обычно я представляла себя просторное помещение с огромным книжным шкафом во всю стену, заставленным множеством книг по психологии и близким к ней областям. У шкафа должен был стоять массивный письменный стол, за которым психотерапевт вел прием, а потом он приглашал меня на другой конец комнаты, где под большим окном располагались диван, кресла и низкий столик. При желании можно было поднять жалюзи и впустить в помещение свет или, наоборот, приглушить лампы и задернуть шторы, чтобы создать расслабляющую обстановку.

Здесь все оказалось не так. Кабинет был маленький и вытянутый от двери. При входе с левой стороны ютился приземистый шкафчик с застекленным верхом и детскими игрушками на полках, а справа – стол с каким-то большим деревянным ящиком с невысокими бортиками. Мне показалось, что ящик наполнен белым песком, в котором увязла парочка крошечных игрушек. Напротив входа находилось небольшое окно, под ним стоял низенький столик, а по бокам – дерматиновые кресла: одно справа и два слева. Стены были оклеены бежевыми обоями с едва заметными золотистыми вкраплениями. На потолке поблескивала изящная классическая люстра с пятью абажурами. В принципе, если не сравнивать с киношными кабинетами, вполне уютное место.

Светлана Николаевна, которая выходила меня встречать в вестибюль здания, где располагался ее кабинет, и затем привела сюда, распахнула передо мной дверь и пропустила вперед.

– Проходите, садитесь, где вам удобно, – ласково сказала она.

Я посмотрела на коричневые кресла. Они были совершенно одинаковые, и я даже не представляла, в каком из них мне будет удобнее. У правой стены рядом с песочным ящиком стояла еще парочка стульев.

– А зачем песок? – спросила я, чтобы оттянуть момент рассаживания.

– Это для песочной терапии, – дружелюбно пояснила психолог. – Ну, это с детишками такую проводим.

Я прошла вперед и выбрала место слева, поближе к окну. Светлана Николаевна расположилась в кресле напротив.

– Ну что же, Нина. Давайте начнем, – сказала она. – Если хотите, я налью вам воды или чаю.

Я отказалась.

– Я посмотрела анкету, которую вы заполнили. Вижу, вы многое пережили. Хорошо, что в итоге решили не справляться с этим в одиночку, а обратиться к специалисту. Я очень постараюсь вам помочь.

Я молча кивнула.

– Может быть, вы что-то еще хотите сказать в дополнение к анкете?

– Ну, да, есть кое-что. Я потеряла способности... – я замялась. Психолог с сочувственным интересом выжидающе смотрела на меня. Я медленно подбирала слова, чтобы держаться ближе к правде. – То есть я кое-что умела, у меня было... хобби, любимое занятие. То, что очень хорошо мне удавалось делать. И вот как будто разучилась. Больше не получается.

Светлана понимающе кивала и слушала. Слова, поначалу дававшиеся мне с трудом, вдруг начинали литься легче и легче.

– В общем, я словно потеряла часть себя, – продолжала я. – Как будто целый пласт жизни куда-то ушел, смысл пропал. Это было очень важно для меня. И на этом месте теперь пустота, и еще мой любимый, там тоже пустота...

Я замолчала, чтобы собраться и не расплакаться. Я впервые рассказывала это кому-то, кроме себя в пьяных монологах.

– Простите, что я спрашиваю, но мне нужно знать. Он умер? Это про него вы писали в анкете?

Я закивала. Взгляд Светланы был настолько понимающим и теплым, что даже не вызывал сомнения в своей искренности.

– Да, он погиб. Несколько месяцев назад. После этого у меня и пропали... после этого я перестала заниматься своим делом. А вместо этого я стала, – я глубоко вздохнула, потому что произнести это было нелегко, – я пить стала. Не думаю, что я уже прям совсем алкоголичка. Но такого никогда со мной не было, и это тоже меня беспокоит. В общем, все навалилось! – Я махнула рукой и, наконец перестав сдерживаться, заревела.

Светлана быстро достала с нижней полки столика коробку с салфетками и пододвинула ко мне. Я выудила одну салфетку.

* * *

Я лежала в постели и тщетно пыталась заснуть. Сна не было ни в одном глазу. Я находилась в смешанных чувствах. С одной стороны, очень радовалась, что отважилась в конце концов на поход к психологу. Одновременно с этим мне казалось, что меня заваливает со всех сторон лавинами песка, и из него невозможно выбраться.

Дело в том, что я, хоть и вкратце, но рассказала обо всем, что меня мучило и беспокоило, и наконец сама осознала, под каким гнетом я живу. Мне даже показалось, что Светлана Николаевна была слегка шокирована, хотя, я уверена, она за время своей практики повидала немало. Но когда я все написала в анкете, а потом озвучила и дополнила, мне безумно стало жалко саму себя. Я была такой несчастной!

Про предательство подруг я тоже поведала, разумеется, не вдаваясь в подробности. Рассказывая о всех своих злоключениях, я почему-то вдруг вспомнила первого кадавра Выбегалло из повести Стругацких, который назывался «модель человека, полностью неудовлетворенного». Прямо про меня. Он там, кстати, почти сразу издох. Вспомнив кадавра, я прямо на сеансе посреди своего же рассказа начала смеяться взахлеб, а потом залилась слезами. Светлана принесла воды и терпеливо переждала мою истерику.

Так прошла первая часть нашей встречи. Затем, когда я немного успокоилась, мы продолжили. От Светланы я узнала, что существует такое понятие как «запрос». Это то, с чем мы будем работать. И на каждом сеансе он у нас будет один. Поэтому из всех своих бед и проблем мне надо выбрать ту, которую я хочу разобрать первым делом, с которой хочу справиться в первую очередь. Это и будет мой запрос. И, только проработав его, мы перейдем к следующему.

Надо сказать, это меня не то чтобы ошарашило, но расстроило. Я все-таки надеялась, что есть быстрое решение. Что психолог успокоит меня, скажет, как поступить и куда двигаться, как побороть тоску, как перестать мучиться из-за Антона. Что она сделает нечто, после чего мне не потребуется справляться с горем с помощью вина.

На деле все оказалось намного сложнее. От меня, оказывается, тоже требовалось немало усилий, вплоть до выполнения каких-то домашних заданий, что мне показалось совершенно абсурдным. Но эта женщина мне нравилась, я ощущала необъяснимую приязнь к ней и доверие. При этом я видела, что сама она сомневается в моих словах, не полностью верит им, чувствуя, что я хожу вокруг да около. Тем не менее, она не давила на меня, и я решила, что попробую. Всегда ведь можно отказаться.

С запросом в этот раз я определиться не смогла, и Светлана предложила мне поразмышлять дома, что для меня сейчас является самым важным и с чем я больше всего хотела бы справиться.

Под конец она достала карты. В первый момент я чуть не подскочила: мне показалось, что выстроенный между нами мост понимания и доверия сейчас рухнет, как карточный дом, и плевать, что получился каламбур. Но она, увидев возмущение в моих глазах, поспешила успокоить, сказав, что это никоим образом не относится к гаданиям и эти карты вовсе не мистификация, а разговор с подсознанием.

– Нина, не волнуйтесь, это просто ассоциативные картинки. Иногда вы не можете что-то рассказать, и даже не потому, что скрываете, а так как сами об этом не знаете. Но когда посмотрите на картинку, у вас возникнет ассоциация. И это может оказаться тем, что вы прячете даже от самой себя. Не я буду говорить, глядя на карты, что вас ждет. А вы сами будете описывать то, что видите тут. И это совершенно не имеет отношения к магии. Это просто очень хороший инструмент для работы психолога.

Она перевернула карты и раскрыла их веером, показывая мне изображения. В них не было ничего общего ни с таро, ни с гадальными картами. Действительно, просто какие-то странные рисунки, без символов и подписей.

– Я хочу попробовать эти карты, чтобы понять, сможем ли мы использовать их дальше, – пояснила Светлана Николаевна. – Есть люди, которые не могут с ними работать. Например, если совсем нет воображения. Они видят только то, что изображено на картинке, и воспринимают это совершенно буквально. Если там нарисован мальчик в лохмотьях, идущий с вязанкой хвороста, то для них это мальчик с вязанкой хвороста. Понимаете?

Я нерешительно кивнула.

– Попробуем?

Я пожала плечами и снова кивнула. Светлана показала одну из самых простых методик по трем картам. Так как пока я не знала, с каким запросом хочу работать, она предложила просто посмотреть на линию времени: прошлое – настоящее – будущее. Я вытянула наугад три карты и положила их рядом. Первая должна была показать мне мое прошлое, вторая – настоящее, третья, соответственно, будущее. Но не как гадание, а как мое понимание и восприятие событий прошлого. Как я ощущаю себя в настоящем. Как представляю себе будущее. Это было безумно похоже на простейшее гадание таро, я часто так раньше делала. Но там предсказание строилось на символах и смыслах, заложенных в самой карте. Тут мне предстояло, посмотрев на какой-то схематичный размытый рисунок, рассказать о своих ощущениях.

Я перевернула карты рубашками вниз, и передо мной легли три картинки. На первой были изображены несколько детских лиц, они вроде бы улыбались или что-то весело кричали, но рисунок был настолько неприятным, что эти лица вызывали, скорее, ужас и отторжение. Я еще не успела посмотреть на вторую картинку, как в голову мне ударила мысль:

«Ведьмы!»

Мое прошлое – ведьмы, виновницы происходящего со мной настоящего.

Я почувствовала внимательный взгляд Светланы. Похоже, она поняла, что у меня сразу возникла ассоциация. Она просила, чтобы я делилась тем, что чувствую, глядя на эти рисунки, но я не могла ей сказать про ведьм. Я буркнула что-то про предательниц-подруг, которые принесли мне много горя, и, похоже, ее этот ответ удовлетворил. Но она советовала ничего не держать в себе. Я должна была все ей рассказывать, и это было невероятно трудно.

Вторая картинка изображала огонь, и он мне напомнил мою нынешнюю жизнь. Все сгорело, разрушилось. Все, что было дорого мне, что было необходимо. Я поразилась, как мне удалось вытащить именно эти карты, которые буквально кричали о том, что происходило и происходит со мной. И при всем при том – это не было гаданием!

На третьей карте сплелись два человеческих тела, но то не походило на любовные объятия. Мне показалось, что между этими людьми происходит борьба. Я поделилась со Светланой наблюдениями, и она объяснила, что так вижу именно я. А другой человек увидит здесь совершенно иной смысл, другие действия. Потому что это идет из подсознания. Поэтому психолог

сам не может сказать, что означает та или иная картинка. Только мы сами должны понять ее значение. Это было очень интересно и ново.

– Что за борьба предстоит вам в будущем, как вы думаете? – спросила Светлана. Я покачала головой.

– Даже не представляю... Наверное, это борьба со своими страхами, плохими мыслями, зависимостью? Такое может быть?

– Конечно, может. Главное то, о чем вы подумали. Эта картинка вызывает у вас именно такие чувства и мысли. Возможно, вы сами уже готовы к борьбе со своим состоянием, хотите выйти из него, справиться. Я не могу трактовать ваши ассоциации, но сами вы способны ответить себе.

Мне понравился ее ответ. Слова о том, что я готова к борьбе. Ведь это было правдой, иначе я бы не находилась в том кабинете!

Через неделю я снова приеду к Светлане, подготовившись и решив, какой запрос для меня сейчас самый важный и первостепенный. И с которого я начну свою внутреннюю борьбу.

Глава 5. Обычный день Гульнары

– Ну, рассказывайте, что вас ко мне привело? – привычно спросила Гульнара у Надежды – клиентки, сидевшей за столом напротив. Для предварительной беседы они расположились в маленькой Гулиной кухне. – Что бы вы хотели узнать? В каком своем решении сомневаетесь?

Надежда, женщина лет сорока, с раскосыми карими глазами и прямым темным каре, тихо вздохнула. Гуля, как всегда, почувствовала неуверенность, исходящую от посетительницы. За всю ее практику еще ни разу не пришел кто-то, полностью уверенный в том, что готов знать свою возможную линию судьбы, свой путь, по которому он бы двинулся, если бы сделал иной выбор. Одно дело, если человек хочет узнать свою дальнейшую судьбу, будущее, которое, может быть, и нельзя изменить, но хотя бы как-то можно подготовиться, примириться с ним. И совсем другое, когда он приходит, чтобы получить ответ на мучивший его годами вопрос: а правильно ли я поступил? А что бы было, если бы я сделал иначе?

Гульнара считала, что этого лучше не знать и не ломать голову, не тратить ни минуты драгоценного времени на бесполезные размышления. Но люди шли к ней за этим, а она помогала им получить ответы.

Те, кто хотел знать о будущем, просто жаждали информации. Что ждет меня впереди – в «прекрасном далеко»? Конечно, хотелось услышать что-то важное, интересное, приятное. И можно было получить горькое разочарование, узнав правду. Но на такие вопросы Гуля ответить не умела. Будущее она не предсказывала. Зато видела моменты прошлого и возможное настоящее. То настоящее, которое не случилось, но могло бы – при других условиях.

Зачем люди хотели это знать? Конечно, чтобы быть уверенными в том, что пошли правильной дорогой. Удостовериться, что их решение было единственно верным. И если они убеждались в этом, то уходили от Гульнары счастливые, окрыленные, довольные жизнью. Они верно поступили и теперь правильно живут!

Но бывали и те, что выходили из ее квартиры сломленными, подкошенными, буквально постаревшими на глазах. Они понимали, что совершенная ими мелочь, какой-то незначительный поступок круто повернул их жизнь и совсем не туда, куда следовало бы. Даже если сейчас их полностью все устраивало, услышав о том, какая ждала бы их судьба в ином случае, эти люди опускали руки. Их уже не радовало то, что у них было. Они теряли смысл жизни. И все равно клиенты шли.

Конечно, посетителей у Гули было не так много. Во-первых, мало кто вообще знал о существовании такого своеобразного «гадания». Потом, далеко не каждому удавалось найти гадалку. Даже Гульнара не была знакома ни с кем, кто бы обладал такой способностью! Она знала только про свою тетю, сестру отца, но это вполне закономерно, ведь в их семье именно женщины наделялись даром.

Кроме того, принимать клиентов часто Гуля не могла, потому что уж очень это было тяжело. Гадание вытягивало из нее все силы, а если полученная информация была еще и не особо приятной, если на ее глазах человека словно подменяли, и он выходил от нее сгорбленный, с потухшим взором, то остаток дня она просто лежала пластом, обессиленная и с сильной мигренью. Денег она никогда с таких посетителей не брала. Те, что уходили с радостью, конечно, всегда «благодарили». Но когда клиент, узнавший горькую правду, безжизненно глядя в пол, трясущейся рукой протягивал ей деньги, она каждый раз отказывалась.

В общем, и денег ей этот дар не приносил особо, и радости уж точно. Потому что кто бы ни входил в ее дверь с надеждой и ожиданиями, заранее нельзя было сказать, какую правду придется Гульнаре открыть ему. И каждый раз она встречала посетителей с замиранием сердца и сильной тревогой.

Все это, конечно, не могло не оставить отпечатка на ней и даже на ее внешности. Гуле было немногим более тридцати, но она слишком рано увяла и выглядела старше своих лет. Кожа вокруг ее карих глаз была испещрена мелкими морщинками, на переносице пролегла скорбная складка, и углы красивых некогда губ были опущены книзу, а черные волосы уже тронула седина.

– А для кого мне быть красивой?! – деланно смеясь, говорила Гуля подругам. – Мне все равно суждено быть одной всю свою жизнь. Зачем я своей красотой буду дразнить кого-то, да и себя тоже распалить зря!

Марина всегда грустно улыбалась этим словам. Она и сама не могла встретить свое счастье. Хотя бы потому, что в силу магического дара очень быстро распознавала «не своего» человека, ни в ком для нее не оставалось загадки или интриги, она уже заранее чувствовала, чем дело кончится. Лада вроде с кем-то встречалась, но кроме того, что он существует, никто о нем ничего не знал. И, наверное, это было важным показателем. А медиум Варя вообще категорически не хотела ни с кем жить.

– А если вдруг со мной ночью свяжутся, да я заговорю с ним прямо во сне, так он сразу от меня сбежит?! – Такое бывало, но редко. Когда на сеансе при клиенте ничего не получалось, но потом дух смелел и приходил поговорить уже наедине с Варварой. – Нет уж, мне достаточно одноразовых связей.

В общем, личная жизнь ни у кого не задалась. «А ведь Нина была счастлива, – горькая мысль иногда проникала в голову Марине. – Зачем мы так с ней? Вдруг это мы из зависти, просто сами себе отчета не отдаем?» Но сделанного не воротишь, и Марина теперь жила с этим грузом на сердце. Она даже как-то раз почти попросила Гульнару погадать ей, чтобы знать наверняка, ошиблись они тогда с Антоном или нет. Но все же не решилась. Такое лучше не знать.

Но вот клиенты Гульнары думали иначе и шли к ней за помощью, за ответами, которые иногда не стоит получать. Гуля считала своим долгом попытаться отговорить каждого. Мягко, ненавязчиво старалась донести мысль, что это не нужно. Но удавалось ей очень редко.

– Так что же? Поделитесь со мной? – спросила она в этот раз у Надежды. – Или, может быть, вы раздумали? Если так, то это совершенно нормально. Я всегда с пониманием к такому отношусь.

Женщина в нерешительности смотрела на нее, словно не веря.

– Но мне все равно надо будет заплатить? – протянула она.

– Нет, что вы! – поспешила заверить ее Гульнара. Ей вдруг показалось, что сейчас получится убедить посетительницу. – Я же ничего не сделала, не надо платить. Вы же не обязаны это делать. У вас сейчас своя жизнь, она сложилась, я надеюсь. Зачем вам это нужно?

У Надежды вдруг стало строгим лицо, она нахмурилась.

– Я все-таки хотела бы довести дело до конца. Я очень долго к этому шла и слишком тщательно обдумывала прошлый выбор. Я хочу знать! – отчеканила она.

– Это ваше право, – грустно ответила Гульнара. – Тогда расскажите свою историю. Какое решение, принятое вами, вас тревожит?

Женщина помолчала, собираясь с духом, и начала рассказывать. На заре своей юности она встречалась с молодым парнем по имени Юра. Они были ровесниками, и их вдохновляло и объединяло много общего: схожие вкусы, совместные планы, идеи. И, самое главное, они были влюблены. В это же время за ней начал ухаживать взрослый мужчина, на много лет старше ее. Его звали Андрей. Он был состоявшимся и даже известным в определенных кругах. Наде очень льстило его внимание, и, если бы между ними завязались отношения, это могло бы стать для нее взлетом, социальным лифтом. К тому же он был ей симпатичен.

Ей пришлось выбирать, и решение далось очень непросто. С одной стороны, беззаветная и искренняя юношеская любовь, с другой – инвестиции в будущее, выгодный союз. Она все же

выбрала любимого, о чем периодически потом жалела. Прожили они вместе почти двадцать пять лет, и, как бывает, любовь сошла на нет. В конце концов они развелись, хотя и остались друзьями.

И, если раньше она просто иногда фантазировала, что бы было, послушай она не чувства, а рассудок, то сейчас, оставшись одна, часто подолгу размышляла на эту тему, заиклилась на ней, и это очень ее мучило. Она хотела знать, как бы повернулась ее жизнь, если бы она наступила на горло своей любви.

Она рассказала это Гульнаре и закончила на такой ноте, что та поняла: уговаривать уже бесполезно.

– Что ж, раз вы твердо решили, тогда пойдемте.

Гуля встала и пригласила женщину следовать за собой. В комнате она указала Наде на стул, стоявший возле дивана. Та сделала удивленное лицо, но молча села и уставилась на гадалку.

Гульнара присела на краешек дивана.

– Я хочу сразу рассказать, как все будет происходить. Возможно, это покажется вам немного странным, но на сеансе я прилягу, а вы будете сидеть рядом и держать меня за руку.

У Надежды слегка расширились глаза, и она в недоумении покачала головой.

– Я себе это как-то, скорее, наоборот представляла, – сказала она с легкой улыбкой.

– Понимаю, но есть определенная привычка, ритуал, если можно так выразиться. И во время него я лежу.

– Да без проблем, главное, чтобы сработало, – спокойно ответила женщина.

– Сработает, – глухо ответила Гуля. Она капнула эфирного масла в ароматическую лампу, а затем принялась зажигать свечи. Потом задернула шторы и погасила свет.

Гульнара снова села на диван. Какое-то время она сидела молча, низко склонив голову, затем легла, опершись на высокие подушки с причудливыми вышитыми узорами, и протянула Наде руку. Та машинально сжала ее в ладони. Гуля закрыла глаза и что-то тихонечко загудела. Женщина рассматривала ее лицо, зыбкое в неровном пламени свечей. Сначала ей даже было скучно, но постепенно вдруг на нее навалилась дрема, и тяжелые веки сомкнулись, как она ни сопротивлялась. Она не спала, но не могла открыть глаза и только слышала, как Гульнара тянула одну низкую ноту.

Надежда очнулась от того, что Гуля очень сильно сжала ее ладонь. Она встряхнулась и вначале даже не могла понять, где она. Гадалка медленно поднялась и села, облокотившись на спинку дивана. Она слегка улыбалась, и на лице было успокоение.

– Садитесь теперь поудобнее, если хотите.

Она жестом указала женщине на диван. На стуле действительно было жестко и неудобно. Надя с радостью пересела и, развернувшись вполоборота, полная ожидания, во все глаза смотрела на Гулю.

– Ну что? – нетерпеливо спросила она. – Правильно я сделала тогда? Или нет?

– Я расскажу вам, что увидела, – уклончиво ответила Гульнара, – а вы уж сами определите, правильный ли был ваш выбор.

– Но вы просто скажите, да или нет?! – воскликнула женщина. Видно, она так долго прятала свои сомнения в себе, что не могла больше сдерживаться.

– Надя, я не могу решить за вас, хорошо это или плохо, – устало сказала гадалка. – И обычно я беспристрастно доношу информацию. Таковы мои правила. Но одно все же могу сказать: думаю, вас не расстроят мои слова.

Женщина молчала и глазами, полными надежды, смотрела на Гулю.

– Я видела следующее, – начала Гульнара. – Когда вы выбрали Андрея, сначала все пошло очень хорошо. Более чем. – Надежда от этих слов вся собралась и замерла, как кошка, готовящаяся к прыжку. – Он помогал вам с работой, вы тоже стали хорошо зарабатывать, ни в чем

себе не отказывали. При этом вы постоянно мыслями возвращались к Юре и очень тосковали. Андрей это быстро почувствовал, и между вами пролегла тень недоверия. Затем неожиданно его дело вдруг прогорело, он сделал неудачное вложение и оказался на мели. Запил. Вы со своими запросами и потребностями стали его раздражать, причем по юношеской неадекватности вы еще его и попрекали, что ради него расстались с любимым. В общем, он очень скоро вас попросту выгнал. Вы даже не были женаты. Юра вас обратно не принял, а сам вскоре женился. В вашей жизни не случилось ничего плохого, вы жили ровно и скромно. Никаких высот не достигли, но и никаких потерь или потрясений тоже не пережили. Замуж не вышли. Я не знаю, чем вы сейчас живете, но не думаю, что жизнь с тем выбором была бы хоть сколько-то лучше.

Гуля замолчала. Надежда тоже приумолкла, раздумывая. Тишина длилась довольно долго. Наконец гостья ее нарушила глубоким вздохом. Гульнаре показалось, что то был вздох облегчения.

– Ну, как вы? Все нормально? – тихонько спросила она.

– Да, спасибо вам большое, – ответила Надя. – Вы извините, что я сижу и тупо молчу, даже не поблагодарила сразу. Я просто никак в себя не могу прийти.

– Но ведь ничего плохого вы не услышали? – участливо спросила Гуля.

– Ой, что вы! Все хорошо. Правда, теперь я понимаю, как это глупо было. И сейчас, и вообще всю жизнь свою думать над этим, так ли я сделала! А тому ли я дала?! – Она горько засмеялась. – Измучила себя, извела буквально. А уж когда про вас узнала, то совсем крышу снесло, так себя накрутила. Все думала, как приду к вам и услышу, что если бы выбрала Андрея, то сейчас бы была в шоколаде – вилла на море, квартира шестикомнатная в центре Москвы... Даже не представляю, что бы я тогда сделала.

– Ну, вы все теперь знаете. Вы все сделали правильно, – успокаивала Гульнара.

– Да! А это точно? Вы правда это видели?

– Да, точно. Хотя я доказать вам не смогу. Вы же не сможете посмотреть моими глазами.

Надежда рассеянно покивала головой. Наверное, она настолько была готова услышать ужасные новости, что теперь не могла поверить в их отсутствие.

Клиентка ушла. Гуля снова легла на диван. Раскалывалась голова. Отблагодарила Надежда достойно, не поскупилась. Силы только жизненные Гуле никто возместить не мог. Она лежала и думала, насколько незначительные запросы ей приносят посетители со своими мелочными страстями и переживаниями. Они делают выбор, стараясь не прогадать, а потом всю жизнь мучаются, опасаясь, что все-таки прогадали. Приходят к ней, буквально трясясь от страха, что оправдаются их самые худшие опасения и вся их жизнь окажется насмарку, но при этом лелеют надежду, что сейчас услышат успокоительное: «Да что вы, могло бы быть намного хуже!» За этими словами они и идут к гадалке, высасывая из нее все соки. Спрашивают о какой-то низменной ерунде, которая не дает им жить.

Каким бы серьезным шагом ни было это гадание, вопросы в основной своей массе клиенты задавали следующие:

«Что бы сейчас со мной было, если бы я не женился тогда в юности по залету?»

«Как бы я сейчас жила, если бы сделала аборт от бывшего?»

«Где бы я сейчас была, если бы не послушалась родителей и поступила в другой вуз?»

И это вопросы, которые мешают людям нормально существовать! Узнав, что могли бы жить лучше, чем сейчас, они уходят от Гульнары с видом, будто для них все кончено. Им не нужна теперь эта жизнь – такая, неправильная. Ведь судьба для них придерживала другую, просто они не взяли.

«А вот возьму да посмотрю свое настоящее, – вдруг со злостью подумала Гуля. – Кто-то из нас умрет в этом году. А вдруг это буду я? И даже не узнаю, как могла бы прожить эту жизнь, сложись все по-другому? Вот наплевала бы я на семейные традиции, не стала бы использовать этот дар... Что бы со мной было?»

Глава 6. Обезьяна с гранатой

– Ну, что сказать, Ксюш, – начала Марина, поднимаясь с дивана. – У меня для тебя, как принято говорить, две новости: хорошая и плохая.

В этот раз ведьма все-таки пригласила Ксению к себе домой. Уже в первую встречу она прониклась к новой знакомой доверием.

– Еще иногда говорят, плохая и очень плохая, – пробормотала Ксения. Она осталась сидеть и смотрела на Марину с большой тревогой. Марина ободряюще улыбнулась.

– В нашей ситуации я бы сказала, относительно хорошая и относительно плохая. В общем, первая новость заключается в том, что у тебя действительно есть способности. И я думаю, это можно отнести к хорошим известиям, потому что такой дар открывает для тебя новые возможности.

– Вот уж не знаю, – покачала головой Ксения, – насчет хорошесть... А плохая тогда какая?

Марина помолчала, медленно прохаживаясь по комнате и собираясь с мыслями.

– Теперь нельзя быть точно уверенными, что в печальном происшествии с мальчиком нет твоей вины.

Ксения шумно и прерывисто вздохнула, и у нее задрожали губы. Вроде бы и верить в это не хотелось, но почему-то верилось. Она уже прямо сейчас готова была заплакать и крепилась изо всех сил. Ребенка было жалко до ужаса. Каково маленькому подвижному мальчишке лежать со сломанной ногой! Больно, тоскливо, одиноко...

– Тихо, тихо! – Марина снова села рядом и приобняла девушку за вздрагивающие плечи. – Ну, что ты... Это может быть и совпадением, я уже говорила тебе, дети падают. Даже взрослые падают! И не обязательно, что рядом при этом находится ведьма.

– Марин, а можно как-то узнать наверняка?

Марина задумалась. Ей нужно было видеть мальчика, тогда стало бы ясно, случайность ли это или травма является результатом неосторожного магического воздействия. Можно было бы, конечно, побывать в квартире Ксении и поискать магический след. Но ведь вполне вероятно, что она и раньше, сама того не осознавая, оставляла подобные следы, так что это ничего не даст.

– Ксюш, а мы как-то сможем к мальчику попасть? – спросила Марина. – Точнее, я одна, конечно. Под каким-нибудь предлогом к нему зайти, проверить?

Ксения задумчиво пожала плечами.

– Может быть, если родители ребенка верят, что все могло случиться по вине ведьмы, то и для лечения могут обратиться к какой-нибудь знахарке, – продолжала развивать мысль Марина. – Ну, не для того, конечно, чтобы перелом вылечить, но чтобы облегчить боль. Или чтобы снять порчу.

– Ох, нет, Марин, – Ксения закатила глаза. – Это дохлый номер. Мне одна из соседок по подъезду – из тех, кто от меня после всего произошедшего шарахаться не стал – уже рассказывала, что эта «мамми» чуть ли не крестный ход по квартире заказывала. Ну, по крайней мере, батюшка точно приходил, чтобы квартиру освятить. Так что знахарок они и близко к себе не подпустят.

– Что ж, – уныло подытожила Марина. – Тогда тебе остается только принять это. Если сможешь, считай, что там не было твоей вины. Если не сможешь, тогда просто живи с этим. Только тебе надо теперь следить за тем, что ты говоришь и думаешь, а это очень нелегко. Или научиться хотя бы ставить защиту на свои же действия, чтобы они никому не навредили.

– Но если я не хочу вообще с этими вещами связываться? – несчастным голосом просто-нагла Ксения. – Не знаю, как другим, а мне даже в фантазиях никогда не хотелось стать колдуньей или ведьмой.

– Так я же не предлагаю тебе заниматься магией, – успокоила ее Марина. – Но уберечь окружающих от своих необдуманных поступков все же нужно. А то ты сейчас, уж извини, как обезьяна с гранатой.

– Да я согласна, – протянула Ксюша. – Вот же напасть!

– Тем более, я вижу, насколько ты добрый человек, ты так переживаешь из-за этой ситуации. Другая бы на твоём месте пальцем у виска бы покрутила этим родителям да и не морочилась больше на эту тему. А то и добавила б еще, мол, так и надо, поделом.

– Ты научишь меня? – вдруг спросила Ксюша.

Марина замолчала. После печально закончившегося обучения Нины ей абсолютно не хотелось возвращаться к роли наставницы. С другой стороны, Ксения и не собиралась обучаться магии и развивать свои способности. Ей нужно было только научиться не причинять другим зло по неосторожности. Ведь каким бы замечательным и чутким человеком она ни была, а мысли, в том числе и дурные, приходят в голову без нашего разрешения и одобрения. И если у нее есть такие таланты, что превращают мысли в действие, то их надо обезопасить.

– Сделаю все, что смогу, – улыбнулась она. – Пойдем-ка на кухню, попьем чаю. И я тебя еще немного поспрашиваю.

Девушки переместились в кухню. Ксюша расположилась за столом, Марина поставила чайник. Пока тот закипал, она стояла, отвернувшись от гостыи, наблюдая через прозрачное окошко чайника, как появляются первые пузырьки, как они начинают двигаться и кружиться, постепенно ускоряясь и увеличиваясь. Она думала про Нину, свою бывшую подругу. Тогда, в самый первый день, они тоже сидели именно на кухне и обсуждали способности, которые есть у Нины. Как они непохожи с Ксенией!

«А ведь Нина вообще не собиралась становиться ведьмой и развивать свой дар. Она даже на месте сбора в тот раз оказалась случайно! – подумала Марина. И ведь таких инцидентов, как у Ксюши, с ней не происходило. Сколько они потом обсуждали жизнь Нины, выходило, что ее способности, в основном, дремали и почти никак себя не проявляли, пока... – Пока я не влезла! Ну зачем я тогда вообще ее позвала? Ведь ей это было не нужно!»

– Эй, Марин, что-то случилось? – прервала Ксения Маринин процесс самобичевания. – Чайник давно выключился.

Марина тряхнула головой, отгоняя мрачные мысли. Не сейчас, потом. Сегодня к ней сама пришла ученица, которой это действительно надо. Хотя она делает выбор не заниматься магией, а защитить остальных от нее же самой. Чистая душа.

Она выставила на стол небольшую вазочку со сладостями, разлила по чашкам чай и села напротив гостыи.

– Угощайся, – сказала наставница. – И попробуй припомнить еще какие-нибудь особенные случаи в твоей жизни. Может быть, ты раньше на них внимания не обращала, но сейчас в свете последних событий сможешь на них взглянуть по-новому?

Ксения надолго задумалась, перебирая в памяти различные ситуации, о которых стоило упомянуть.

– Ой! – вдруг хлопнула она себя по лбу и неожиданно даже заулыбалась. – Кажется, есть!

Марина с интересом уставилась на нее. Ну, хотя бы повеселела немного, и то хорошо.

– Значит, так, – принялась Ксюша за рассказ, оживляясь и жестикулируя с недоеденной зефириной в руке. – Решила я как-то приготовить себе закуску из перцев...

* * *

Она рассказала, как возилась однажды на кухне, занимаясь своим любимым делом: готовкой. Дело было несколько месяцев назад, в конце августа. Наступил сезон изобилия недорогих овощей и домашних заготовок на зиму. Ксения накупила красных болгарских перцев столько, что еле дотащила с рынка, и принялась за их переработку.

Часть из них она и пустила на любимую овощную закуску. Для нее она резала эти перцы длинной тонкой соломкой и затем поджаривала в духовке на гриле.

– Так вот, когда я нарезала перцы на узкие ломтики, я нечаянно саданула ножом по пальцу, – увлеченно вещала Ксюша. – Несильно, почти не больно, но кровь засочилась и попала в миску с уже нарезанными овощами. Я подумала, мол, ну что же, перемывать их теперь, что ли, все равно самой же есть.

Ксюша махнула на досадную мелочь рукой и продолжила готовку, пританцовывая вокруг стола и бубня всякую ерунду, вроде:

«Кровушка моя, привяжи ко мне того, кто попробует тебя. Угощу я милого, и будет он меня всегда любить!»

«Красный перец, красные помидоры, оранжевая морковь и красная кровь!.. Пусть тот, кто съест тебя, моим станет!»

Периодически Ксюша фыркала от смеха, воображая, как это выглядит со стороны, и продолжала нарезать и приговаривать дурашливые припевки. Пока она выкладывала слои перцевых ломтиков на противень, она еще вспоминала эту забаву и что-то бубнила себе под нос. Но кровь давно остановилась, ранка была небольшой. И как только девушка запихнула противень в духовку, она тут же забыла о своем нехитром развлечении. Когда готовая закуска остыла, Ксения немного съела сразу, а остальное переложила в герметичную баночку, в которой обычно таскала обеды в офис, и убрала в холодильник.

На следующий день она взяла на работу какое-то второе блюдо и свои «заговоренные» перцы. Про вчерашний «ритуал» она, разумеется, и не вспомнила. В специально отведенной комнате, где сотрудники обедали, Ксюша выложила хлеб и закуску на стол, а второе еще требовалось подогреть в микроволновке. К ней была, как обычно, небольшая очередь из коллег. В это время на кухню в поисках легкого чужого перекуса заскочил Леха Брыкин, один из менеджеров, известный своей бесперемонностью и раздолбайством. Девчонкам из офиса он тем не менее нравился, а ему то ли не нравился никто, то ли сразу все, это было не понятно. Ксения же про него никогда не думала в таком плане, потому что внешность ее не особо волновала, а вот привычки и поведение – очень даже сильно. И он ее совсем не привлекал.

Она только мельком взглянула в его сторону и сразу же равнодушно отвернулась, поэтому не успела отследить момент, как Брыкин, увидев на столе безнадзорную банку с овощной закуской, недолго думая цапнул загребушей рукой вилку и выудил знатную порцию перцев. Ксюша, заметив, что все присутствующие куда-то со смехом уставились, обернулась и с ужасом увидела, как Леха отправляет к себе в наглую пасть вилку с закуской, а, стало быть, и с ее кровью!

– Нельзя это трогать! – закричала она в панике и тут же поняла, что коллеги смотрят на нее как на ненормальную. Ну, действительно, подумаешь, попробовал Брыкин чужую еду. В первый раз, что ли? Некрасиво, конечно, даже неприлично. Но не орать же теперь на всю контору. Лехе ее крик аппетита совершенно не испортил, он с удовольствием на лице прожевал перцы, затем помедлил, будто раздумывая, а не угоститься ли еще раз. Потом, увидев ошалевший Ксюшин взгляд, почему-то засмутился и вышел из офисной кухни, даже не стащив, по своему обыкновению, ничего из холодильника.

Ксюша, напротив, аппетит совсем потеряла, с трудом доела кое-как свою порцию, стараясь не встречаться взглядом с коллегами. Она не так давно там работала. Подумали, небось, что истеричная и жадная до чертиков.

К этому глупому эпизоду никто больше не возвращался, но только вот что странно. С тех пор Брыкин Ксюше просто прохода не давал. Он подсаживался к ней на обед и порывался

угостить своей едой, что уже было необычно. Постоянно советовался по работе, даже если это было не в ее компетенции. Пытался провожать до метро, а то и до дома. Писал письма и сообщения в телефон, все хотел пригласить куда-нибудь, только Ксюша каждый раз отказывалась. Она не понимала, с чем связан этот внезапный интерес, но взаимного влечения никакого не испытывала, поэтому его приставания очень ее утомляли.

Марина слушала рассказ и изумлялась, насколько легко и без каких-либо усилий с ее стороны выходит у Ксении колдовство, а она даже не понимает, что делает. Ведь она не творила какой-то специальный приворот, она просто дурачилась и несла полную чушь, а оно сработало. Теперь Марина уже в этом не сомневалась, как и в том, что в травме ребенка, к сожалению, тоже виновата Ксения. Точнее, не сама Ксения, а ее дар, неуправляемый и отпущенный в самостоятельное плавание. Его точно стоило повернуть в нужное русло.

А еще жутко было даже представить, что бы могла сделать Ксения, специально направив свои силы, если даже когда она не задумывается об этом, происходит такое мощное магическое воздействие!

– Похоже, ты, подруга, его приворожила, – объявила ей Марина, когда рассказ закончился.

Ксюша с недоверием наморщила лоб.

– А разве это возможно? – спросила она.

– Возможно, – лаконично ответила Марина. – Еще бы. На крови заклинание наложила!

– Это плохо? – испугалась Ксения.

– Не очень хорошо, но я тебе помогу его снять. Ты все-таки делала его сама для себя, без злого умысла, и...

– Да не делала я его для себя! – возмутилась Ксюша. – В голову бы не пришло, если бы я даже в это верила тогда!

– Ну, я ж не говорю, что ты специально его сделала. Но факт остается фактом. В такие двойные совпадения я, увы, уже не верю.

– Вот черт, – озадаченно пробормотала девушка. – Правильно ты про меня сказала. Я точно обезьяна с гранатой. Даже с гранатами. – С этими словами она посмотрела в чашку с остатками чая, словно надеялась в отражении увидеть ту самую обезьяну. – Только обязательно надо снять этот приворот. А то он за мной бежит как влюбленный школьник, а все девки на работе меня уже тихо ненавидят. Собака на сене, мол!

– Да еще с гранатой! – не выдержала Марина и прыснула. Ксюша тоже не выдержала и засмеялась. Обстановка совсем разрядилась. Очень нравилась Марине эта Ксюша.

– Слушай, а с тобой с тех пор ничего такого не происходило... нехорошего? – спросила Марина, когда они наконец отсмеялись.

– В смысле?

– Ну, может, самочувствие ухудшилось или тяга к выпивке появилась...

– О боже, нет, конечно! – удивленно воскликнула Ксения. – Все как всегда. Само собой, я переживаю немного, раз человек так безнадежно влюблен, но что я могу сделать? Пить из-за этого, что ли?

«А вот это совсем странно, – озадаченно подумала Марина. – Защита же не ставилась. Почему тогда нет откатов?»

– Слушай, – сказала она. – Мы так давно сидим уже. Может быть, ты чего-нибудь посерьезнее конфет съесть хочешь?

Ксюша подумала и скромно кивнула. Хозяйка сунулась в холодильник.

– Я сама уже хочу, – со смехом сказала она. – Я еще на рассказе про закуску захотела. Но такой у меня нет. Есть тефтели с рисом. Будешь?

– Буду, конечно.

Девушки пообедали и продолжили беседу. Оказывается, Ксения вспомнила кое-что еще.

– Это уже довольно давно произошло, я тогда еще от родителей не съехала. Сейчас-то одна поселилась, – начала Ксюша. – В соседней квартире жила девушка. И про нее ходили слухи, да и не только слухи, потому что я своими глазами все видела... Так вот, с кем она только в нашем районе ни перегуляла, при том, что замужем была. А впрочем, это все не важно. Я особо с ней и не сталкивалась. Но недолюбливала.

И вот, зимнее утро. Я собираюсь на работу, выхожу из квартиры, встречаю у лифта ее. Доехали вместе вниз, перекинулись парой ничего не значащих слов. Попрощались, и она вперед пошла, а я за ней, затем пути разошлись, мне нужно было в подземный переход. Но пока я шла следом, я думала про нее всякие гадости. Не специально, просто в голове вертелось что-то про ее похождения, про то, какая она потасканная, про жуткий толстый слой тональника на лице. Стала спускаться с этими мыслями по заснеженным ступенькам, и как навстречу! Очень больно упала, прямо копчиком ударилась. Хорошо, кубарем по лестнице не скатилась. Поднялась кое-как, отряхнулась от снега, пошла аккуратненько. И подумала еще, мол, надо же, мои злые мысли словно ко мне вернулись.

Марина слушала Ксюшу, затаив дыхание. Пока она не знала, что и думать. Ведь та на какие-то свои деяния даже откаты не получила! А тут просто подумала плохое, а ее в ответ шарахнуло. Хотя, конечно, мало ли кто зимой не падал. Но история настолько же загадочная, как и забавная.

Тем временем Ксюша продолжала рассказывать.

– До работы было ехать далеко, с пересадками в метро, а потом еще на автобусе. И вот наконец я уже на финишной прямой. Остается пройти дворами минут десять – и я в офисе. В спальном районе наша контора была, маленькая совсем. Иду себе, передо мною девушка вышагивает. Зима, день морозный, а она в короткой куртке и мини-юбке, которая почти не прикрывает ноги в тонюсеньких колготках. И эти ноги ну настолько кривые! Начиная от коленок – как вопросительные знаки буквально. Ну, я, конечно, и подумала, какая глупость мерзнуть в таких колготках и мини, если эти кривули лучше бы полностью спрятать. Иду следом и каждый ее шаг мысленно озвучиваю: «Кривь-кривь, кривь-кривь». Не спрашивай, зачем, Марин. Бывает у меня, – усмехнувшись, пояснила Ксюша на недоуменный взгляд Марины..

– Да я уж поняла, – ответила та, вспомнив, как Ксюша приплясывала вокруг кухонного стола с ножом в руке и распевала заклинание собственного сочинения. – И что дальше-то было?

– Ну, а как ты думаешь? – чмыкнула гостя. – На очередном «кривь-кривь» я, конечно, снова поскользнулась и растянулась на снежной дороге во всю длину!

– Да уж, – протянула Марина. – Как предсказуемо!

– Потом долгое время вообще про кого-то подумать боялась, – подытожила Ксюша.

«Вот это да... Вообще не понятно, – мысли в голове Марины толпились и перебивали друг друга. – Поначалу просто за недобрые посылы она сразу получала что-то вроде отката. Как отзеркаливало к ней. А теперь чуть ли не за конкретное зло ничего не прилетает! Хотя вряд ли тот, кто на другой стороне выполняет ее магические заказы, размышляет над тем, со зла она это делает или дурачится в очередной раз! Может, тогда это словно предупреждение было, а потом шутки кончились? Что ж с ней делать-то?..»

Марина чувствовала необходимость посоветоваться с подругами. Только с кем? Про Варвару сейчас и говорить нечего, до нее не достучаться, ей, похоже, самой помощь нужна. Гульнара тоже странная какая-то стала, вся в своих исканиях и размышлениях... Остается, наверное, только Лада. Потому что Вика, хоть и помогала им тогда, все равно продолжает держаться на расстоянии. Но в крайнем случае, возможно, и она не откажет в помощи. Все ведьмы теперь связаны тем обрядом. И неизвестно, кого они потеряют в течение года.

Глава 7. Дом за туманной стеной

Была необычная для этого времени погода. Вместо снежных покровов по земле и асфальту разлилась густая сырость, весь воздух был тоже сырой и периодически наполнялся крошечными колючими дождинками. Я брела привычной дорогой к себе домой, не особо торопясь, нога за ногу.

Народу на вечерней улице почти не было. Большая часть работающего населения уже добралась до своих жилищ, а желающих прогуляться, по-видимому, не нашлось. Только вдалеке маячил силуэт какого-то собачника с толстым мопсом на поводке. Скорее всего, людей спугнул быстро густеющий туман, который, казалось, прямо на глазах поглощал все новые и новые пространства. Меня же он не пугал, и мне почему-то не хотелось торопиться.

Мой дом стоял немного в стороне от остальных зданий. Я уже миновала все другие строения, и идти оставалось всего ничего, но я еще не видела его из-за плотного тумана. Дома за моей спиной уже скрылись в молочной густоте, а мой все не появлялся. Путь этот был мною пройден бесчисленное количество раз, и я давно должна была уже входить в подъезд, однако впереди был только туман. В голову стали приходить глупые смешные мысли, что надо идти помедленнее, чтобы не врезаться в дом на большой скорости. Или что я заблудилась у себя во дворе и, загребая правой ногой больше, чем левой, кружу по туману, хотя до подъезда всего три метра. Я и на самом деле замедлила шаг, потому что не представляла, как нужно себя вести в такой ситуации. Закричать, позвать кого-то я стеснялась, мне казалось это нелепым. А туман тем временем принял меня в свои ватные объятия, и я уже не видела ничего дальше своего носа. Я думала, что такое бывает только в кино. Или – в небе, когда прорезаешь крылом самолета облако.

Идти в никуда было страшно, и я остановилась и все-таки тихо позвала: «Эй! Кто-нибудь!» Мне тут же показалось, что мои робкие слова запутались в туманной вате и повисли рядом со мной. Я снова двинулась в неопределенном направлении мелкими шажками, и вдруг, к моей радости, туман начал редеть. Сквозь него стало проглядывать что-то черное, и я подумала, что наконец-то добралась до дома, но когда я достигла этого черного, оказалось, что это просто ночная улица. Туман закончился так резко, словно он действительно был не испарением, а кучей ваты. Я шагнула из белой массы на черную улицу. Но дома своего я не увидела! Вместо него стояла деревянная постройка, на вид – добротная русская изба. Все как полагается: широкое крыльцо с треугольным навесом, резные наличники на окнах, печная труба в покато́й крыше, ровные ряды светлых бревен, из которых сложены стены. Мне даже показалось, что еще до сих пор пахнет свежей древесиной.

Дом стоял отдельно, особняком, и вокруг него словно бы вообще ничего не было: ни других строений, ни деревьев. Просто одинокий дом, сам по себе. Может быть, так казалось из-за крошечной темноты, объявшей все вокруг. В самом же доме окна светились уютным желтым светом, а с козырька над крыльцом свисала на проводе маленькая грустная лампочка. Она медленно качалась вперед-назад и бросала то на дверь, то на ступеньки зыбкие блеклые круги света.

Я обернулась. Белая туманная стена так и осталась стоять за моей спиной, никуда не делась. Я зачем-то протянула руку и окунула ее в плотную белую массу. Рука по локоть скрылась в тумане. Ну точь-в-точь как в кино! Герои тоже так в зеркала лезут, и стекло в том месте, где его коснулись, начинает «плыть» и шевелиться, а потом иногда этих неудачников туда полностью затягивает... Мне стало не по себе, и я резко выдернула руку. Ладонь была влажной.

Вокруг явно происходило что-то ненормальное, почему же я так спокойно на это реагировала? Завеса тумана, ровно обрубленная по краям... Мне вспомнился маленький эпизод из «Шоу Трумана», где в искусственном мире должен пойти дождь, но происходит технический

сбой, и вода льется только над Труманом, как будто из душа. Но я не в кино и не в искусственном мире, и я верю в магические силы, только это даже не магия...

«Что заставляет меня воспринимать происходящее спокойно, как данность? – с этими мыслями я двинулась к дому. По законам жанра я должна туда войти, хотя дерганный свет от мотающейся все быстрее лампочки меня начинает нервировать. Кстати, очень странно, что она так качается, ведь ветра на улице нет, даже легкого дуновения. А то, может быть, хоть туман разметало бы немножко... – По законам какого жанра-то? – вдруг пришло в голову. Я остановилась как вкопанная перед крыльцом. – Да я же сплю! Дошло наконец».

Все встало на свои места, и я немного успокоилась, хотя тревога уже закралась куда-то в область солнечного сплетения и легонько дергала за ниточки, ведущие к сердцу. Но ничего страшного, это сон, просто очень яркий и реальный, и при желании всегда можно проснуться. Но я любила осознанные сновидения и начинала выпутываться из сна, только если меня вдруг накрывал необъяснимый панический ужас. Сейчас такого не было. И я пока могла немножко побродить по этому вымышленному миру.

С таким настроением я поднялась по ступенькам на крыльцо и придержала рукой буйную лампочку, чтобы она больше не раскачивалась. Свет внутри нее заморгал, раздался слабый треск, и лампочка погасла. На крыльце стало как-то совсем мрачно и темно. Я толкнула дверь, и она подалась, впустив меня в сени, освещенные, впрочем, тоже весьма скудно. Из сеней вели дальше три двери. Справа и напротив входа деревянные створки были едва приоткрыты, и оттуда через узкие щели буквально сочились плотная вязкая темнота. Не знаю, что там было – чулан, кухня или какие-то еще помещения, – но мне совершенно не хотелось это проверять, пусть я даже и понимала, что всего лишь сплю.

Дверь в левой стене отличалась от двух других. Она была более широкой и массивной, с фигурными петлями. Створка ее была плотно прикрыта, но именно с той стороны дома я видела свет в окошках. Я потянула за кованую ручку, дверь со скрипом отверзлась, и я вошла в избу.

Эта часть строения не разделялась на комнаты, как в Доме ведьм, а была одним просторным помещением. Освещено оно было несколькими лампочками, так же свисающими с потолка на проводах, и сейчас, когда я уже находилась внутри, мне не показался этот свет таким уж ярким. Наоборот, он словно тускнел на глазах, и в комнате с каждой минутой становилось темнее. Я опять поразились ясности и четкости своего сна и вспомнила интересный момент из прочитанной когда-то книги. Там говорилось, если сравнить картинку, которые мы рисуем себе, пытаясь что-то вспомнить, и те, что приходят во сне, то во сне мы видим намного больше подробностей. Образы, что перед нами предстают, обычно яркие и понятные, так что часто мы даже не понимаем, что спим. И, напротив, в воображении очень трудно ухватиться хоть за какую-то мелочь, почти невозможно представить образ целостным, он остается размытым и блеклым. И все это потому, говорилось в книге, что в воображении мы используем только ресурсы своей памяти, а сны к нам приходят извне, из ноосферы, например. Мне это показалось тогда очень любопытным, и сейчас я как будто находила этому подтверждение: сон почти не отличался от реальности. Он был даже чересчур реальным.

Но пришло время действовать: зная, что это особенное сновидение, мне очень хотелось осмотреть здесь все получше. Свет потихоньку гас, наполняя комнату тенями, которые скапливались по углам и словно выжидали. Затем тени задрожали, и я увидела, как лампочки слегка покачиваются вразнобой, каждая со своей амплитудой. Я поняла, что скоро сон превратится в кошмар: угасающий свет обычно был его предвестником.

Вдруг я услышала резкий и тревожный бой курантов и увидела на стене большие старинные часы с кукушкой. Только вот кукушка после каждого удара не показывалась, а вместо ее голоса раздавалось низкое и жуткое уханье филина. Часы с филином? Про такое я еще не слышала...

Я уже чувствовала, как бегут мурашки по спине: у меня почти не оставалось времени, сейчас должно стать очень-очень страшно. Захлестнет беспричинный сверхъестественный ужас, который охватывает все твоё существо, и тогда нужно будет изо всех сил напрячься и закричать, чтобы выкарабкаться из цепких лап сновидения. Я быстро пошла по комнате, стараясь запоминать все, что попадало в поле зрения. Сразу при входе – русская печь, занимающая целиком правый угол. За ней железная кровать с пружинами, покрытая лоскутным одеялом. Над кроватью небольшая картина маслом на стене. Просто природа: поле, через него тропинка, ведущая в лес. Рядом низенький деревянный столик с резным орнаментом по краям столешницы и изогнутыми ножками. Соседнюю стену почти всю занимают шкаф и громоздкий старинный буфет. А в стене, что слева от входа, три небольших оконца, под средним стоит дубовый стол, на нем графин с причудливой росписью. С одной стороны стола – грубо сколоченная лавка, а с другой – почему-то очень современное глубокое и мягкое кресло. В такое хочется провалиться и сразу задремать, и оно совершенно не вписывается в общую картину.

Я выглянула в окно. За стеклом была все та же тьма, которая упиралась в ровную туманную стену. Где заканчивается стена, мне видно не было. Я услышала шум в ушах, какой-то шелест и шепот. «Все, началось!» – мелькнуло в голове, и я почувствовала, как панический страх волнами накатывает на меня, бешено бьется сердце и темнеет в глазах. Я зажмурилась и словно сжалась в комок, и попыталась закричать, но не вышло. Я беззвучно открывала рот, словно мне перекрыли доступ кислорода. Знала, что обязательно получится, просто надо сосредоточиться на крике и не отступать. Действительно, через какие-то мгновения я услышала собственный крик и вдруг подскочила на кровати. Все. Вырвалась. Проснулась.

Сердце до сих пор колотилось, и я тяжело дышала. Я мечтала поскорее выветрить из головы этот сон. Только зачем же я тогда старалась рассмотреть и запомнить какие-то детали, несмотря на приближение кошмара? Может быть, мне это и правда нужно?

Глава 8. Подножка в начале пути

После тяжелого сновидения я уже не смогла нормально заснуть и просто лежала, о чем-то думая, проваливалась ненадолго в полудрему, затем снова просыпалась. В конце концов я бросила тщетные попытки отключиться и встала еще затемно, хотя по случаю субботы могла поваляться и подольше.

На сегодняшний день был назначен повторный прием у психолога. Мы договорились со Светланой Николаевной на пять вечера. Надо сказать, что я ждала этой встречи и ощущала небольшое волнение, как перед неким интригующим событием. Честно подготовила домашнее задание и, похоже, определилась наконец с запросом. В первую очередь необходимо было справиться с самым мучительным переживанием. И как бы ни бесило меня предательство ведьм, ни удручала потеря магических сил, ни пугала тяга к вину, самые сильные страдания, конечно, приносила смерть Антона.

Мне не хотелось его забывать: я была с ним счастлива и желала сохранить это в памяти, но сердце мое изболелось, и я так от этого устала. Не знаю, возможно ли такое, но Светлана сказала, что мы справимся. Она назвала мое состояние эмоциональной зависимостью и обещала, что, проработав ее, мы просто оставим мои светлые чувства к любимому и уберем невероятную тоску.

Вполне вероятно, что остальное отпадет само собой или, по крайней мере, уменьшится. Ну, не считая разве ненависти к ведьмам, с которой я бороться не собиралась. Но зато, если я избавлюсь от тоски, то заливать вином будет уже нечего. А силы... Нужны ли они вообще? Понять бы, что сотворили тогда ведьмы, но боюсь, что мне этого не узнать. А с другой ведьмой я и вовсе связываться не хотела.

Я перебралась в кухню, сварила себе большую чашку крепкого кофе, чтобы взбодриться после неприятной ночи, и стала вспоминать сон. Почему мне так хотелось все там рассмотреть? Сейчас, при свете дня, ничего уже не казалось в этом сновидении странным или особенным. Совершенно обычный сон. Ну, бредовый, но разве бывают какие-то иные сны, четко и логически построенные?

Из размышлений меня выдернула трель мобильного. Кто бы мог так рано звонить? На экране высветился номер психолога, и меня сразу кольнуло нехорошее предчувствие. Но может быть, она звонит просто удостовериться, что все в силе? Кажется, у них так принято. Я ответила на звонок.

– Нина? Здравствуйте, это Светлана.

Мне показалось, что ее голос немного дрожит.

– Здравствуйте, Светлана Николаевна. У нас все в силе?

– Ниночка, я как раз по этому поводу звоню. – Светлана запинаясь, делала паузы, словно ей очень трудно было это произнести. – Я искренне прошу прощения, но у меня непредвиденные обстоятельства возникли и я не смогу вас консультировать. По крайней мере, в ближайшее время.

Ну вот, приплыли. Все ожидания рухнули, как карточный дом. Я поднялась со стула и невидящим взглядом уставилась в окно. А в общем, там все равно не на что смотреть, потому что небо затянуто серыми тучами, из которых валит мокрый снег. Может, и к лучшему, что я дома останусь. Не надо тащиться в столь отвратительную погоду куда-то далеко... Мне стало до чертиков обидно, даже защипало глаза. Ведь еще недавно я словно чистого воздуха глотнула. Мечтала, что все наладится, излила душу, очень много думала о нашем разговоре и готовилась к следующему. Разумеется, Светлана не единственный хороший специалист в Москве. Но вот этот сбой в самом начале пути... Будто ты делаешь первые шаги, а тебе сразу поставили подножку. И я не то чтобы суеверная, а напротив, как ведьма точно знаю, что подобные вещи про-

исходят неспроста. С другой стороны, даже если это случайность, все равно руки опускаются. Ведь мне было так трудно решиться, собраться, настроиться... Как можно бросить клиента, разве так делается? Это даже непрофессионально! Выскажу Ленке, насоветовала мне!..

Мешанина из подобных мыслей быстро пронеслась у меня в голове, пока я, застыв, стояла у окна. Светлана молчала, видимо, ждала моего ответа.

– А когда вы сможете? – выдавила я.

– Нина, к сожалению, я не могу сейчас ответить, я не знаю. Мне правда очень жаль. Я представляю, как это некрасиво получилось, – чуть ли не со слезами в голосе извинялась женщина. Да уж, некрасиво. Более чем. Да пошло оно все! Другого психолога я искать не буду. Я обернулась и мрачно взглянула на буфет. Внутри стояла бутылка гранатового вина. А что, сегодня как раз суббота...

– Нина? Нина, вы меня слышите? – плачущий голос в трубке вырвал меня из оцепенения.

– Да, я тут, – нетерпеливо ответила я. О чем еще говорить? Все и так ясно.

– Ниночка... – Голос по-прежнему дрожал и срывался, видно, и правда что-то очень плохое произошло, не от стыда же она так там всхлипывает. – Я знаю, как вам трудно было решиться на первый визит, и мы так хорошо с вами начали, я видела вашу решимость и желание справиться со всем, что на вас навалилось...

Я молча слушала.

– Я не могла вас бросить просто так, оставив ни с чем. И, во-первых, я верну оплату за наш сеанс... – Я попыталась что-то возразить, но она не дала вставить ни слова. – Не спорьте, это мой провал, я не могу взять эти деньги. Но это не все, что я хотела сказать. Если не будете возражать, я перенаправлю вас к своему коллеге. Это прекрасный специалист с длительным и успешным опытом работы. Я очень вам его рекомендую и, если вы не против, передам ему записи нашей беседы, тогда вы сможете продолжить консультации с ним.

С ним? Она что, меня отправляет к психологу-мужчине?.. Мне совершенно не хотелось откровенничать с мужчиной на тему своих психологических проблем. Да что там, мне с мужчинами сейчас вообще общаться не хотелось!

– Как вы на это смотрите, Нина? – умоляющий плаксивый голос Светланы начал меня раздражать. Наверное, она чувствует себя очень виноватой, раз так переживает. Другая бы, случись у нее что, махнула на все остальное рукой, а она все-таки хочет исправить ситуацию. Может, зря я так? Ну, всякое ж бывает. Просто мне, как всегда, не повезло, и это «всякое» произошло именно сейчас.

– Светлана Николаевна, – наконец заговорила я. – А может быть, вы знаете еще кого-то, кто мог бы со мной поработать, только женщину? Мне не совсем комфортно...

– Ниночка, простите, сейчас у моих коллег-женщин все уже расписано, я очень сожалею. Но не волнуйтесь, он настоящий профессионал, у него тоже все занято было, но неожиданно окошко освободилось, и он согласился вас принять. Если, конечно, вы сами будете готовы.

Я зажмурилась и задержала дыхание. Что же делать? Мне очень не хотелось идти на прием к неизвестному мужчине. Но возможность не прерывать сеансы и продолжить начатое была для меня очень важна. К тому же я еще не успела растерять настрой на сегодняшнюю встречу. Я ведь такие надежды на нее возлагала!.. В конце концов, как я и раньше говорила, всегда можно отказаться, если что-то не нравится. Войду в кабинет, увижу этого мужика, не понравится он мне с первого взгляда, возьму да уйду. Я шумно выдохнула в трубку:

– Хорошо, я согласна. Попробую. Время и день те же?

– День тот же, сегодня. А по времени немного позже. У него окошко в семь вечера. Подойдет? Я могу переслать ему записи?

Семь так семь. Записи так записи.

– Да, пересылайте, – подтвердила я.

– Я вам адрес тогда скину в сообщении, – сказала Светлана, и я услышала огромное облегчение в ее голосе. – Вам даже удобнее будет добираться.

Удобнее так удобнее. Что воля, что неволя...

Глава 9. Новый психолог

Искать дом, в котором находился кабинет нового психолога, мне пришлось, когда уже совсем стемнело. Мокрый снег, что сыпался весь день, сменился под вечер дождем, но затем наконец закончился, а сырой воздух наполнился туманом. Он густел на глазах, и я сразу вспомнила свой сегодняшний сон. Только во сне я заблудилась прямо около дома в тумане, который очень странно выглядел. Сейчас же от своего района я забралась далеко, зато туман был совершенно обычный, расползающийся во все стороны, что, однако, не делало его менее жутким.

Постоянно сверяясь с картой в телефоне, я медленно шла от метро, высматривая цифры на домах. Как назло, часть номеров не подсвечивалась, а несколько были просто разбиты. Дружелюбный райончик. Кому придет в голову арендовать кабинет в таком месте? Неужели к нему правда валом валят клиенты, и едва нашлось окошко в расписании, чтобы меня туда впихнуть?

Наконец я нашла нужный мне дом: пятиэтажку с несчетным множеством подъездов, построенную буквой «Г». Я, наверное, только один раз в жизни видела настолько длинный жилой дом. Светлана помимо адреса скинула мне схему здания с указанием, как найти в кабинеты. Карта вела к подъездам, вход в нежилые помещения был с обратной стороны.

Посмотрев на схему, я прикинула, как будет ближе, и стала огibtать строение. Почти сразу за ним поднималась стена леса. Может быть, конечно, это был и не лес, а просто небольшой парк или вообще деревья в несколько рядов, но сейчас в темноте и тумане мне мерещились дремучие непроходимые дебри, черной стеной окружавшие дом. Мне стало не по себе. Я смутно помнила, как бежала в одну страшную ночь по лесным зарослям и совершенно ничего не боялась. Но тогда я была буквально переполнена магической силой и разрывавшей меня злобой, и меня ничего не пугало, даже заброшенная церковь с безглазыми иконами. Сейчас я шла за помощью, а попав в это место, ощутила себя еще более слабой и беспомощной, чем в последние дни.

С другой стороны, это обычный спальный район, возможно, здесь адекватная стоимость аренды кабинетов, а добираться довольно удобно. Я просто весь день себя накручивала перед встречей с новым специалистом и, по-видимому, продолжала это делать до сих пор. Пора прекращать.

С психологом я заранее созваниваться не стала, хотя Светлана, конечно, оставила его контакты и сказала, что он будет ждать меня в семь вечера. Ну, а зачем тогда я буду еще ему звонить? Если честно, то у меня просто рука не поднималась это сделать. Где-то в глубине души я надеялась, что встреча сорвется. Может быть, кто-то из нас перепутает время, может, я сильно опоздаю...

Но, как ни плелась я нога за ногу, минут за десять до назначенного часа оказалась перед нужной мне черной железной дверью без опознавательных знаков. Если бы не схема Светланы, ни за что бы не нашла. Справа в стене была едва различима утопленная кнопка домофона, и над ней небольшой громкоговоритель. Вдохнув, я нажала на кнопку. Где-то в глубине помещения раздалась трель, напевающая что-то вроде «тиру-лиру», щелкнул магнитный замок, и створка слегка приоткрылась. Кто-то меня, как видно, ждал.

Я шагнула внутрь, плотно прикрыв за собой черную дверь, и уже была готова представить себе что угодно, вплоть до темного мрачного кабинета, скрывавшегося прямо за входом, с дизайном в готическом стиле. Но там оказался всего лишь светлый скучный вестибюль, из которого можно было попасть в несколько кабинетов. Два из них были рядом с входом – справа и напротив, а налево, к третьему кабинету, вел коридор с плиточным полом и блеклыми бежевыми стенами. По этому коридору сейчас направлялся в мою сторону высокий статный мужчина в джинсах и светло-сером свитере с высоким горлом.

По всей видимости, это и был Эрик Романович, как мне представила его Светлана. То еще имечко. Я быстро окинула его взглядом. Уже немолодой, но хорошо сложенный. Смуглое лицо, черные коротко стриженные волосы с проседью. Крупный нос с горбинкой, тонкие губы, подбородок с ямочкой.

Мужчина с улыбкой поприветствовал меня и пригласил следовать за ним. Кабинет его мало чем отличался от помещения, где меня принимала Светлана, разве только совсем немного уютнее и пошире. Те же кресла из кожзаменителя, низкий столик. Не было только песочницы у входа, как я ее мысленно окрестила.

– Прошу вас, располагайтесь. – Он жестом обвел все кресла, мол, выбирай на вкус, и я села в ближайшее. – Давайте знакомиться. Наверное, вам уже сказали, зовут меня Эрик Романович, но лучше просто Эрик. Если, конечно, вам так будет комфортно.

– Вполне, – кивнула я. – А я просто Нина.

– Очень приятно. – Эрик сел напротив и, снова улыбнувшись, пристально посмотрел мне в глаза. – Прошу прощения за это место. Мой кабинет в центре города, но сейчас там небольшой ремонт, а я не хотел, чтобы у клиентов был длительный перерыв между посещениями. Поэтому на пару раз обосновался тут.

Мое напряжение, нараставшее с момента поисков длинного дома, куда-то вдруг сразу исчезло. Все объяснялось так просто. Это я, мистификатор поневоле, напридумывала себе связей со сновидением: везде туман, мрачная обстановка, темный лес. Я почувствовала себя глупо, а еще – немного неуютно под внимательным взглядом Эрика. Он словно сразу понял это и отвел глаза.

– Налить вам воды или чаю? – предложил он. Я попросила чай, Эрик поднялся и направился к стоявшему в углу кулеру. Пока мужчина возился с чашкой, я его рассматривала. Движения его были преисполнены грации. Все, что бы он ни делал, – наклонялся ли за водой, поворачивал голову, мешал ложечкой сахар, – он делал с непринужденным изяществом, не вызывавшим однако сомнений в его мужественности. В движениях было что-то кошачье, но не повадки домашнего кота. Скорее, то была грация тигра или пантеры. При этом чувствовалось, что он, обладая врожденной пластикой, вообще не задумывается о том, как красиво двигается.

В момент встречи я подумала, что ему около пятидесяти, но впоследствии мое впечатление несколько раз менялось. Он двигался очень легко и был в прекрасной физической форме, однако в его лучистых светло-серых глазах, казалось, иногда отражалась вся мудрость человечества, накопленная веками. Вот про кого точно не скажешь «ничем не примечательная внешность».

– Нина, вот ваш чай, прошу, – просочился в мое сознание откуда-то издалека баритон, который обычно принято называть «бархатным». – Нина?

Я нехотя вернулась из мира грез, куда увели меня размышления о новом знакомом, и, почувствовав себя очень неловко, постаралась спрятать лицо за чашкой чая.

– Все в порядке? – участливо спросил Эрик.

– Да, да, я просто задумалась, – закивала я. – Не очень хорошо спала, теперь залипаю.

Он с пониманием улыбнулся, а я принялась себя мысленно ругать. Зачем я такое слово дурацкое ляпнула? Залипаю! Ну и лексикончик, подумает. Надо же, я ведь совсем забыла, что готова была ретироваться, едва только завидев нового психолога. Но этот человек пробудил мое любопытство. И, хотя мне самой было немного больно и стыдно об этом думать, я впервые на кого-то взглянула как на мужчину после гибели Антона.

Пальцам стало нестерпимо горячо, и я поставила чашку на стол. Пора было возвращаться к реальности. Я пришла на сеанс, и, насколько я знаю, между психологом и клиентом не может быть каких-то связей, кроме профессиональных. Как меня важно просвещала Ленка, существует особая психологическая этика. Никаких отношений. «Господи, и о чем я вообще

думаю?!» – встряхнулась я. Какие отношения? Я за помощью пришла. Надо сосредоточиться на своих проблемах и отвлечься от его умных серых глаз.

Хотя глаза действительно были особенные. Большие, миндалевидные, светло-серые, в контрасте со смуглым лицом и в таких черных ресницах, что мне аж стало завидно. Вот зачем мужчине такие ресницы, словно он их подкрашивает? Ему это совсем не обязательно. А мне бы не помешали...

– Нина, мне кажется, вы где-то далеко, – снова окликнул меня Эрик. – Я вас не тороплю, у меня сегодня это последняя встреча, и я могу задержаться при необходимости. Но, может быть, вы неважно себя чувствуете? Не стесняйтесь, говорите. Светлана передала мне записи, и я знаю, что вы многое пережили. Нет ничего плохого в том, чтобы быть не готовой к общению, у вас сменился психолог. Это внештатная ситуация.

Я постаралась собраться. Не объяснишь же ему, что я не о страданиях сейчас своих размышляю, а о его интересной и необычной внешности, глазах, грации...

* * *

Мне все-таки удалось взять себя в руки, и мы приступили к беседе. Эрик, видимо, успел подготовиться и внимательно изучил все, что передала ему Светлана, поэтому сейчас задавал совсем немного вопросов, и я радовалась, что не придется повторять свой рассказ, как тогда на первом сеансе. Правда, сегодня я чувствовала себя лучше: мне совсем не хотелось плакать, как в прошлый раз.

Разговор вышел к моему запросу, и я его озвучила. Объяснила, что хочу сохранить в сердце память о любимом, но не хочу страдать из-за этого, снова и снова переживая момент его гибели.

– Вы видели, как он погиб? – уточнил Эрик, нахмурившись. Я замаялась, потом нерешительно кивнула, лихорадочно соображая, как передать это, не касаясь деталей убийства Антона. – Надо сказать, что для человека, пережившего такое потрясение, Нина, вы еще вполне хорошо держитесь. Вы очень сильная, но и сильные ломаются, и я сделаю все, что от меня зависит, чтобы этого не произошло.

На меня его слова подействовали почему-то очень ободряюще. Я искренне поверила, что у него получится.

– Что с ним случилось? Сможете рассказать? – спросил психолог и на мой удрученный взгляд добавил: – Иногда, чтобы облегчить боль, нужно проговорить одно и то же несколько раз. Как бы парадоксально ни звучало, но это работает.

Я продолжала удивленно смотреть на собеседника. Я же вообще ни с кем не делилась. Кому я могла такое рассказать? Те, кто поверил бы в мою историю, и сами все знали. Они же это и сделали.

– Это был несчастный случай, – наконец выдавила я. – Не хочу рассказывать.

– Я не буду настаивать, – спокойно ответил Эрик. – Возможно, потом у вас получится. Но чтобы уже сейчас стало легче, мы можем поработать с вашей эмоциональной зависимостью. В данный момент вас что-то очень сильно связывает, не говоря о том, что вы стали свидетелем ужасной трагедии. С этим тоже надо работать. Но начать с чего-то одного. Если мы уберем зависимость, то это чувство перестанет тянуть из вас соки. Вы будете помнить его и все хорошее, что вас связывало, но вас это не будет тяготить. Как вы на это смотрите?

Его мягкий низкий голос успокаивал и завораживал меня, и мне хотелось соглашаться со всем, что бы он ни предложил.

– Давайте попробуем, – тихо сказала я, откидываясь на спинку кресла. – Это прямо сейчас? Что я должна делать?

– Да, сейчас. Можно долго ходить вокруг да около, но зачем? – Он тоже сел поудобнее. – Я знаю, с картами у вас все получилось. Теперь нужно будет еще раз использовать воображение. Закройте глаза, постарайтесь расслабиться.

Я послушалась. Опасалась, что буду напряжена, но его голос снова подействовал, и я буквально растеклась по креслу. «Может, он гипнотизирует меня?» – мелькнула мысль.

– Теперь, Нина, даже если это будет тяжело, представьте себе, что ваш близкий человек сидит напротив. Получается?

Я хоть с трудом, но смогла вызвать перед внутренним взором образ Антона. У меня задрожали губы, и я кивнула.

– Вы отдавали и продолжаете отдавать ему свои чувства. Они у него. Они у него в руках. Он сейчас их держит. Это было частью вас, а теперь эта часть у него, и вы не можете стать цельной. Что он держит, как они выглядят, ваши чувства?

Я поморщилась, затем пригляделась, и воображение нарисовало мне, что у Антона действительно в руках что-то есть. Я пригляделась и... Это был мой кнотен! Я плела свои эмоции, свивала их, создавала законченное и полное чувство, и оно превратилось в кнотен. Антон зажимал его в ладонях, скрещенных на коленях.

– Он держит... одну вещь, не знаю, как ее описать. Это... мое рукоделие, – выкрутилась я.

– Вам нужно стать снова целой, нужно забрать эту частичку, что вы отдали ему. Попросите, чтобы он вернул вам эту вещь, возьмите ее себе. Вам сразу станет легче. Вы не разрушите его. Вы просто заберете свое.

Я еще не успела ничего представить, как Антон в моей голове вдруг молча сам протянул мне кнотен, печально глядя на меня. Я вдруг подумала, что как только заберу эту вещь, то разорву нашу связь, и мне стало невыносимо тоскливо и страшно. Мне показалось, что я задыхаюсь, и я открыла глаза. Эрик сверлил меня своими прозрачными глазами, глядя в упор.

– Что такое, Нина? У вас получилось? Вы забрали?

– Нет, – выдохнула я. – Я не могу.

– Почему?! – словно бы встревожился он.

– Не хочу. – Я еле говорила: у меня пересохло в горле. – Наверное, я пока не готова.

Я потянулась к чашке с остывшим уже чаем и в три глотка осушила ее.

– Налить вам еще?

– Можно просто воды?

Он поднялся с присущей ему элегантностью, и мне показалось, что он был чем-то обеспокоен. Возможно, он ожидал, что сейчас уже поможет мне и я получу долгожданное облегчение, но не вышло, и потому он расстроился?

– Нина, – мягко начал Эрик, когда я утолила жажду, отдышалась и успокоилась. – Ведь вы же именно этого и хотели: перестать страдать. Что же помешало вам?

Я насупилась. Не знала, что ответить. Просто не хотела доделывать это... упражнение или как его еще можно назвать? Я понимала, что веду себя нелогично, непоследовательно, но что-то внутри меня сильно сопротивлялось.

– Я не уверен, что вы собираетесь прекращать ваши страдания, – наконец сказал психолог. – Вы словно просто не хотите двигаться дальше, продолжать полноценно жить.

– То есть как? – я удивленно воззрилась на него. Уж что-то, а страдать я точно не хотела!

– Есть такое понятие как вторичная выгода. Возможно, это та самая ситуация. Вы что-то получаете от этих переживаний, поэтому и не готовы с ними расстаться.

– Я не готова расстаться не с переживаниями, а с чувствами, – возразила я, подаваясь вперед. Мне не нравился поворот, к которому вывернула наша беседа. – Я хочу продолжать отдавать их, не хочу забирать.

– Но тогда ничего не прекратится. Вы будете страдать дальше, видимо, вы что-то с этого имеете. Что-то вам это дает, надо просто разобраться.

– Да что я с этого могу иметь?! – Я чуть не взорвалась. Какой-то странный этот Эрик! Какую я могу получать выгоду от своих мучений, что за ерунда? – Я страдаю, я запиваю эти страдания вином, какая мне радость с этого?

Эрик Романович был очень терпелив. Никак не реагируя на мой возмущенный тон, он совершенно спокойно продолжил:

– Подумайте, чего вы лишитесь, если закончатся ваши страдания? Что вместе с этим вы перестанете делать?

Я задумалась. Сосредоточиться было очень трудно, потому что внутри я вся буквально закипала, но я постаралась взять себя в руки. Несмотря ни на что, я почему-то доверяла ему, мне казалось, что он знает очень многое. Знает как никто другой, и обо мне в том числе. Даже больше, чем я сама.

Итак. Что же я потеряю, перестав страдать по Антону? Я вспомнила утро, когда проснулась на полу в жутком состоянии и с его футболкой под головой. Вот этого уже не будет, допустим. Разве это плохо? У меня не будет повода заливать горе вином. То есть я, конечно, могу и дальше продолжать поглощать алкоголь в таких количествах, но только у меня уже не будет оправдания, что я вся такая несчастная и не могу иначе забыться. А придется признать, что мне это просто нравится.

Я скривилась. Ничего себе выводы. Озвучивать их что-то совершенно не хотелось, даже психологу, которому доверяла. Хорошо, идем дальше. Что еще? У меня не будет повода злиться на ведьм. То есть повод, конечно, будет, но яркость этих эмоций и злоба, что отравляет меня ядом, точно пройдут. А я, возможно, черпаю в этом силы.

Что-то не нравились мне мысли, к которым подтолкнул меня Эрик своими вопросами. Не пожалеть бы еще, что я пошла на поводу у Светланы и притащилась сюда. Помимо всего прочего, прекратив страдать, я потеряю смысл в добровольном домашнем заключении. Мне нужно будет куда-то ходить, с кем-то встречаться. Если я сейчас сижу дома и предаюсь унынию и тоскливым размышлениям, спрятавшись от всего мира, то когда тоска пройдет, мне разонравится торчать дома в одиночестве? Но ведь это так приятно! Неужели Эрик имеет в виду именно это? И я действительно нахожу во всем... как он сказал... вторичную выгоду?

Я почему-то до чертиков разозлилась на Эрика и на саму себя за то, что поддалась на провокацию и придумала столько оправданий своим переживаниям. Зачем я только ввязалась во всю эту ерундистику?!

Я резко вскочила на глазах у изумленного психолога, быстро вытащила из кошелька заранее приготовленную сумму и положила на стол.

– Вот. Простите, я поняла, что совсем не готова ко всему этому... к работе над собой и так далее, – сбивчиво пробормотала я. – Спасибо за потраченное время и за то, что пытались помочь. Еще раз извините!

После этих слов я буквально пулей вылетела из комнаты, и Эрик даже не успел что-либо сказать или задержать меня. Хотя, конечно, он и не пытался: выглядело бы странно, если б психолог вдруг схватил клиента за руку на пороге собственного кабинета. Он только посмотрел на меня исподлобья своими странными глазами с поволокой, даже не вставая с кресла, и его тонкие губы слегка кривились в усмешке, но, вероятно, мне это только показалось.

Да, можно сказать, я психанула. И может быть, он был прав, и в моих проблемах есть вторичная выгода. Сейчас доберусь до дома и выпью эту вторичную выгоду!

Глава 10. Безрадостная встреча

– Давно как я у тебя не была. – В прихожей у Лады Марина искала, куда бы пристроить мокрый зонтик.

– Давай я в ванной поставлю, – предложила подруга, забирая зонт, – чтоб вода стекла. Ты своим ходом, что ли?

– Да нет, но у тебя весь двор заставлен, машину далеко оставила. Пока до подъезда добежала оттуда, меня вот так залило. Кофейку мне сваришь?

– Конечно! – крикнула из ванной Лада.

Подруги прошли на кухню, Марина расположилась за столом, а Лада стала возиться с кофемашиной.

– Когда ты последний раз приезжала? – спросила она.

– Честно, не помню, – протянула Марина задумчиво. – Мы вообще все стали реже видеться. Все как снежный ком с горы покатилося...

– Да, – вздохнула Лада, поставив перед Мариной дымящуюся чашку с кофе и усаживаясь напротив. – Мне тоже кажется, что в последнее время все катится по наклонной. Чем дальше, тем хуже становится. Просто руки опускаются. Даже подумываю, не завязать ли со всем этим.

Марина встревожено взглянула на Ладу. И она туда же? Да что ж происходит? Словно они какой-то нарыв расковыряли или разбудили вулкан. И все началось с Нины. Не возмись она тогда ее учить...

– Надо ж было тебе на эту Нинку напороться, – вдруг озвучила Лада ее мысли.

– Ой, Ладушка, я уже так много об этом думала. И ведь сама ее нашла! Столько приходило желающих, нет, я полезла куда-то не в ту степь. Решила, видно, что очень умная и проныцательная. Как подсунули мне ее...

Марина замолчала, испугавшись этой мысли. Лада внимательно смотрела на нее.

– Кто знает?.. – проронила она наконец.

– А теперь же и еще одна привязалась! – заговорщицким тоном сообщила Марина. Лада всплеснула руками.

– Еще одна?! – выпалила она. – Ты о чем вообще?!

– Ну, вот об этом я как раз с тобой и хотела поговорить, – произнесла Марина. – Девочка на меня вышла. С сильным даром.

– Хочет, чтобы ты ее учила? – тут же спросила Лада.

– В том-то и дело, что нет! Наоборот, хочет, чтобы у нее этих способностей не было. Они ей мешают, и контролировать она их не умеет. Просит помочь с контролем.

– Ого, – только и выдавила Лада. – Про такое я еще ни разу не слышала. Ты согласилась?

– Конечно, согласилась, – торопливо сказала Марина. – Она мне как порассказала, что с ней происходит, я поняла, что должна помочь. И ей, и окружающим.

Марина вкратце пересказала подруге приключения Ксюши. Или злключения, тут уж с какой стороны поглядеть. Лада задумалась.

– А использовать она точно их не хочет?

– Говорит, что нет. Они ее и пугают, и отталкивают. Особенно после истории с мальчиком.

– Какие люди разные, – проговорила Лада. – Нинка, по твоим словам, так вообще ни о чем не подозревала, но почти сразу согласилась свои способности развивать. Все-таки она с самого начала безбашенная была. Отчаянная.

Марина расстроилась. Вот же она, горе-наставница. Столько всего проглядела, звоночков не слышала. Может, это знак, что и ей пора остановиться? Что не годится она никуда? Но с

Ниной так все хорошо начиналось, она на лету буквально схватывала, и дар у нее потрясающий был...

– Ты не кори себя, Мар, – подруга встала из-за стола, наклонилась над Мариной и обняла ее, глядя по голове. – Мы же все видели тогда во время обряда, что кто-то вмешался. Не саму Нину потянуло к темному – подтолкнули ее и с фантомом помогли. Конечно, будь на ее месте другая, может быть, удивилась бы происходящему да сопротивляться стала. А Нинка любопытная слишком.

– Ой, не знаю, Ладуш, ну ладно, она любопытная и отчаянная, а я-то как это просмотрела? Гуру хренов. И ведь прекрасно она знала о границах между белым и темным. Сама как билась за Ленку после ее ужасного поступка, кнотен свой отдала, в который столько сил вложила. Людям помогала, бескорыстно, искренне. И вдруг как переключили у нее что-то внутри.

– Вот именно, значит, ни ты не виновата, ни даже она. Воспользовались ею. С помощью самого безотказно действующего на нас, женщин, оружия: любви, – успокаивала Лада.

– Лад, ну какой любви? К кому? К этому инкубу чертовому или кто он там был?!

– Кем бы он ни был, обратно сюда точно не вернется, – ледяным голосом процедила Лада, выпрямляясь. – Второй раз ему не прорваться.

– Хоть это успокаивает... Налей еще кофейку? Засыпаю от погоды этой дождливой, сил просто нет.

Лада снова проделала все манипуляции, и скоро перед Мариной стояла полная чашка с черным кофе.

– А с Ксюшей-то мне что делать? – спросила Марина, вспомнив о главной цели своего визита. А то опять все разговоры к Нине сводятся. – То есть я знаю, что надо помочь. Но, может быть, ты что-то посоветуешь? Пока не отошла от дел, – грустно добавила Марина.

– Ну, раз сама просит, обязательно надо помочь. Можно заблокировать ее силы. Да хоть амулетом. Мы его заговорим, а она станет носить, и пока он на ней, все будет под контролем.

– А если потеряет или забудет?

– Как вариант, можно амулет в Доме разместить. За стенкой, как обычно.

– А как это будет работать? – заинтересовалась Марина.

– Мы не блок на способности поставим, как если бы она его носила. А наоборот, в амулет соберем силу и запрем ее. Так даже вернее будет. Ни потерять она его не сможет, ни надеть забыть. Но, конечно, это только с ее согласия.

– Ну да, – кивнула Марина. – Если амулет на себе носить, то можно снимать и даром пользоваться. А тут полностью с силой попрощаться придется. Мне второй вариант, если честно, больше нравится.

– Надеюсь, ей тоже он больше подойдет, – сказала Лада. – А в общем, Ксения – это самая маленькая и легко решаемая из наших проблем.

– Что ты имеешь в виду? – с тоской в голосе переспросила Марина. – Что-то еще случилось?

Она знала, что Гуля в последнее время вела себя странновато и отчужденно. Но в свете недавних событий это никого не удивляло. Они все сейчас словно были под прицелом у невидимого снайпера. Если об этом все время думать, можно просто сойти с ума. Это так страшно, весь год жить под гнетом ожидаемой смерти, не зная, тебя ли она настигнет или кого-то из твоих любимых подруг, что, может быть, еще тяжелее. Ведь ты не сможешь спасти этого человека и, оставшись в живых, не сможешь с себя чувство вины за то, что он, возможно, занял твое место.

Казалось, что больше всех это затронуло Варвару. Она действительно будто сходила с ума. Но ведь она-то не приносила себя в жертву во время обряда! Где же была она, пока дух хозяйничал в ее теле? Что с ней там делали? Она на следующее за ночью обряда утро очнулась уже немножко другая, а после уничтожения фантома это стало еще заметнее.

– Ну, – начала Лада, – Гуля как-то тут сказала, что ненавидит свой дар. Что это на самом деле родовое проклятье, и она мечтает, чтобы наконец прекратилась передача этого жуткого наследства. Только у ее родного брата недавно родилась дочка. Так что все идет своим чередом, и эта девочка обречена жить в одиночестве, без семьи, без детей, и обязана ведать людям, правильный ли они выбор сделали или нет. Она должна развенчивать их мечты, сообщать, что живут не той жизнью, которой могли бы...

Столкнувшись с ошарашенным взглядом Марины, Лада осеклась.

– Это не мои слова, Мар. Это так все видит Гульнара. Раньше она как-то спокойно с этим жила, хотя ее, конечно, всегда расстраивало, что приходится рушить чью-то уверенность в том, что он жил правильно.

– Я одного никогда не могла понять, – протянула нерешительно Марина. – Почему она не говорит клиентам то, что они хотят слышать? Ну, хотя бы не приукрашивает горькую правду? Ведь это же даже нельзя проверить!

– Ой, я тем же вопросом задавалась, – махнула Лада рукой. – Спросила как-то у нее, не выдержала. Говорит, что не может обманывать. Мол, даже хотела как-то попробовать, но язык не поворачивается. Слова правды словно сами льются. Так что я ее понимаю. Я бы не хотела людям такое нести. Это не помощь, не поддержка. Подобные вещи иногда судьбы разрушают.

– Но зачем люди идут за этим? Я бы даже будущее знать не хотела.

– А мне, наверное, было бы проще, если бы я знала... – Слова застряли у Лады в горле. – Если бы я знала, кто это будет из нас...

Марина страдальчески посмотрела на нее. Неизвестно, что хуже. Жить и на что-то еще надеяться, не зная, что тебя ждет. Или спокойно доживать свои последние дни и готовиться к неминуемой гибели. Хорошо, что у нее нет выбора.

– Иногда я думаю, – ответила она еле слышно, – скорее бы год прошел. Чтобы уже все. А потом – наоборот, пусть дольше время тянется. Чтобы побольше прожила та из нас, кто...

Ее глаза наполнились слезами, и она замолчала. Лада ничего не сказала. Они какое-то время сидели в полной тишине, только дождь стучал по стеклу. Марина зачем-то мешала ложечкой остывший кофе, который так и не выпила.

– Мне кажется, – наконец заговорила она, – что Варя на этой почве немного тронулась.

– Боюсь, что не немного и не на этой почве, – монотонно откликнулась Лада. – Уже после обряда что-то не так было.

Она сидела и маялась, словно раздумывая, говорить или нет. В конце концов не выдержала.

– Знаешь, она мне тут как-то проболталась, – сказала Лада. – Мол, Антон к ней является и выносит мозг. И я не знаю, правда ли он приходит или у нее уже галлюцинации.

– Что, все настолько плохо? – ужаснулась Марина. Когда она звонила Варе, та почти сразу комкала разговор, ссылаясь на загруженность, а потом вообще трубку брать перестала. – Мне почти не удается с ней пообщаться.

Подруга кивнула. С Варей происходило что-то, по всей видимости, совсем плохое. Лада тоже с трудом к ней пробивалась, но не так давно Варвара вдруг сама позвонила и дрожащим голосом попросила приехать. Объяснять по телефону ничего не стала, сказала только, что чего-то боится.

– Я к ней приехала. Она растрепанная, неухоженная. В глазах паника. Спрашиваю, что случилось, отвечает, мол, пока ничего, но скоро случится. Сказала, что фантом является и все укоряет ее, зачем, зачем? Ляпнула даже, что сама уже жалеет и не знает, зачем. Мол, надо было его просто в Доме запереть и для себя оставить.

– Что?! – выдохнула пораженная Марина.

– Да то! – Лада перевела дух. – Спросила ее, чего она боится? Говорит, что еще цыган ей какой-то страшный приснился и Антон тоже ее пугает. Верни меня, говорит, обратно. И она на полном серьезе меня, Марин, спросила, можем ли мы это сделать?

– Вернуть фантом?! Только не это! А ты что?

– Ну, хорошо, мне врать даже не пришлось. Сказала, что нет. Навсегда мы ему дорогу сюда закрыли. А Варя еще какие-то голоса в голове слышит. Знаешь, звучит, конечно, ужасно, но вот я за свою жизнь смотрела несколько фильмов про сумасшедших. Думала всегда, что это утрировано, что так на самом деле не бывает. А когда Варю в тот раз увидела, поразились, насколько она была похожа на всех тех... киношных героев.

– Боже, это все из-за нашего обряда, когда она тело временно покинула, – с горечью произнесла Марина. – Видать, не единственную жертву забрал темный дух. Дорого мы расплачиваемся за тот разговор...

– Знаешь, пыталась я защиту поставить себе, – вспомнила еще Лада. – Не смогла. Подумала, ну, значит, на меня пал выбор. Так, мол, тому и быть. Решила тогда на вас поставить, явно же что-то ужасное творится. И тоже не смогла! Что-то нам противостоит, очень сильное.

– Но смогли же обряд провести и фантома уничтожить! – возразила Марина. – И нам не мешали.

– А это еще с какой стороны посмотреть, – бросила Лада. – Обряд сама знаешь как прошел. А фантом... может, он стал бесполезен и нам позволили его убить. А может, наоборот, так и было задумано. Вон как Нинку скрутило! Может, главной целью и являлось ее разозлить и силу темную пробудить. Словно все по какому-то кошмарному сценарию развивается... Хотя я очень надеюсь, что это у меня паранойя в свете последних событий. Страшно верить в то, что мы вообще ничего не можем изменить, являясь лишь пешками в чьей-то игре.

Посидев еще немного за безрадостными разговорами, Марина засобиралась домой.

Глава 11. Ведьмы с кучей проблем

История глазами Марины

Мы с Ксенией с любопытством следили за магическими действиями Лады. Она заговаривала амулет, точнее, пока еще не амулет, а серебряный кулон на цепочке в виде совы с фианитовыми глазами. Это был подарок Ксюше от бабушки, которой не стало несколько лет назад. Моя новая знакомая очень дорожила им, но когда я рассказала ей про ритуал, который мы хотим провести, чтобы обезопасить ее способности, она сразу подумала про этот кулон.

– Я все равно его очень редко надеваю: боюсь потерять где-нибудь. А так я точно буду знать, что он лежит в надежном месте, – сказала Ксюша. Она без колебаний решила, что силу нужно не заблокировать посредством амулета, а забрать и спрятать.

Лада сидела в своей комнате с зашторенными окнами за круглым столом, на котором стояла в блюдце горящая толстая свеча и небольшая пиала с водой. Мы с Ксенией держались поодаль, наблюдая за происходящим. Лада добавила в воду мутную жидкость из склянки, затем еще несколько капель какой-то субстанции, возможно, эфирного масла. Потом взяла свечу и приблизила к жидкости, отчего та воспламенилась. В эту горящую смесь Лада опустила кулон, придерживая его за цепочку, и стала что-то шептать. Я искоса взглянула на Ксению: та широко раскрытыми глазами, практически не моргая, смотрела за ворожкой.

Когда пламя потухло, Лада вытащила кулон и кивнула нам, чтобы мы подсели к ней за стол: она заранее предупредила, что нужно будет сделать. Мы втроем взялись за руки, и кулон оказался в нашем с Ладой рукопожатии. Моя подруга стала тихо произносить слова, я сначала послушала, затем стала вторить.

– Ты с нами руки сцепила и силу свою уступила. Мы амулет в руки взяли, силу ему передали. Ты с нами руки сцепила и силу свою уступила. Мы амулет в руки взяли, силу ему передали...

Мы твердили эти слова снова и снова. Ксения сидела не шелохнувшись, возможно, она не чувствовала, что происходит. Я же ощутила, словно кровь моя нагревалась и опять остывала. Тепло волнами бежало по венам, начиная с правой ладони, которой я держала Ксюшину руку, проходило через все тело и выливалось из левой ладони в амулет. Ощущение было очень странным, казалось, что сила, что мы тянули из Ксении, сопротивлялась, не хотела покидать свое прежнее пристанище, но все-таки часть за частью перетекала из девушки в ее кулон через нас. Когда очередная горячая волна проходила сквозь меня, я чувствовала необычайный прилив сил, и не только простых, но и магических. В эти моменты казалось, что я буквально наполняюсь колдовскими чарами, и тут же все это уходило в амулет, позволяя на краткий миг почувствовать себя всемогущей. Сколько ж в ней было силы! Как хорошо, что она пришла ко мне, а не наткнулась на какую-то темную ведьму, которая наверняка бы обманула ее и не стала прятать силу в амулете. Взяла бы тайком ее себе, вдруг есть какие-то способы. Я до этого момента о таком и не задумывалась, но, ощутив в себе эти потоки чужой магии, отчетливо осознала, насколько это опасная вещь.

Я повторяла слова заклинания уже машинально, но тут вдруг меня сразило мыслью, от которой я чуть не сбилась со слов. А если бы Нина не отказала Ксении, согласилась бы помочь ей избавиться от магии. Смогла бы она забрать себе ее силу вместо той, что мы ее лишили? Можно ли вообще пользоваться чужой силой?

Мне едва удалось сосредоточиться, чтобы не прервать ритуал. Наконец Лада замолчала, и я с облегчением вздохнула. Мы расцепили руки. Ксюша смотрела на нас круглыми глазами, переводя взгляд то на меня, то на Ладю. Кажется, она была слегка шокирована участием в подобных действиях.

– Вот и все, – сказала Лада. – Теперь надо только отвезти амулет в наш Дом, там он будет в надежном месте. Ты поедешь с нами?

Ксения отчаянно замотала головой.

– А можно мне не ехать? Для меня и этот ритуал уже слишком. Я, видимо, все это и всерьез не воспринимала до сегодняшнего дня. Но эта атмосфера... – Она обвела рукой комнату Лады, заставленную стеллажами с разными баночками и пузырьками. – И слова, что вы говорили, и как вы это говорили... Вы отвезите его сами. Только можно я попрощаюсь?

Она потянулась к кулону. Лада покачала головой.

– Увы, но, к сожалению, нет. Мы отделили от тебя силу. Коснешься кулона, и она сможет вернуться.

Ксения закусила губы и спрятала руки за спину.

– Пойдем, посидим немножко на кухне, попьем чаю – и по домам, – предложила я. – Могу тебя подвезти.

Ксюша улыбнулась и кивнула. Она, кажется, начала потихоньку понимать, что скинула наконец тяжкий груз, давивший на нее в последнее время. Девушка открыла дверь.

– Поставишь там чайник, ладно? – попросила ее Лада. – Мы сейчас подойдем, мне тут прибраться надо.

– Да, конечно, – ответила та и ушла на кухню.

– Тебя что-то беспокоило сильно во время сеанса, – быстро произнесла Лада. – Что случилось?

– Да ничего страшного. Просто, как обычно, вспомнила про Нину. Про то, что Ксюша же сначала к ней обращалась, но та ее отфутболила. Сказала, что магии нет. А если бы она знала, что Ксения готова силу отдать? Вот я вдруг подумала об этом и испугалась задним числом. Глупо так!

– Не дает тебе покоя твоя первая ученица, – с сочувствием произнесла Лада. – К счастью, Нина помогать не стала. А так и впрямь могла бы силу заполучить. Не уверена, правда, что это вообще возможно, но у Ксении магия такая осязаемая... Ее словно пощупать можно. Успокойся, скоро кулон будет в Доме. Ты очень правильно сделала, что решила этой девочке помочь. Вот на все сто! Так что не списывай себя со счетов из-за одного провала. А у Нины больше сил нет. И уж совсем маловероятно, что найдется еще одна ведьма, желающая с ней магией поделиться.

Я подумала про ритуал для Нины, что проводили мы в Доме все вместе. Мы, конечно, не лишали ее сил: не было ее рядом, чтобы за руки держать. Да и отдать магию так, как сегодня Ксения, можно только добровольно. Во всяком случае, белые ведьмы иначе забрать ее не способны. Нам и за ту блокировку еще небось такой откат будет! Тут-то мы согласия у Нины не спрашивали. Заговорили всем кругом на ее кнотен многострадальный, что в Доме хранился за мозаичной стеной. Но мы приняли это решение вместе, решив, что терять уже почти нечего. Ее надо было остановить...

– Девчонки, вы где? – раздался жалостный голос Ксюши, которая дожидалась нас в кухне. – Чайник уже два раза включала!

– Идем-идем! – отозвалась я. Лада отдернула шторы и приоткрыла окно, чтобы проветрить комнату от приятного, но тяжелого запаха благовоний, и мы отправились в кухню.

* * *

Только мы уселись со своими чашками, и хозяйка выложила на стол красивую коробку шоколадных конфет «для восполнения энергии», как она сказала, как у нее зазвонил мобильный. Она с тревогой взглянула на определившийся контакт и ответила. Даже мы услышали, как на том конце провода заверещала Варя.

– Ладушка, надо срочно ехать! Мне позвонили из клиники, сегодня место есть!

Лада с досадой нахмурилась и сделала звук потише. Теперь до нас долетали только обрывки фраз, и слов было уже не разобрать, хотя по окончании разговора она все равно его передала. Ксюше, как свидетельнице поневоле, пришлось узнать, что нашей подруге Варваре только что позвонили из психиатрического центра и сказали, что лечиться надо сегодня. Кто-то отказался, и теперь есть место, и на раздумья времени нет, потому что очередь из желающих. Но об этом нас еще на приеме предупредили, что ожидать вызова нужно практически в полной боеготовности.

– Я могу прямо сейчас заехать за ней и отвезти в клинику, – предложила я. Лада удовлетворенно кивнула. Мы уже давно решили, что кто-то из нас обязательно должен Варю сопровождать. Она даже при спуске в метро стала ощущать панику, особенно на длинных эскалаторах. Когда мы ездили с ней на первичный прием, она стояла на полусогнутых ногах с абсолютно белым лицом, и у нее тряслась нижняя челюсть. Она цепкими сильными пальцами до боли сжимала мой локоть, пока мы ехали вниз к платформе. Более-менее нормально проехала в поезде, а на подъеме чуть ли не бежала вверх, расталкивая пассажиров. Обратно мы вместо метро взяли такси.

Я раньше никогда не видела ее в таком состоянии, исключая, конечно, ту ночь, когда она нас с Ладой вызвонила во время очередного приступа панической атаки. Но обо всем по порядку.

Несколько дней назад Варвара среди ночи позвонила Ладе и попросила приехать, потому что не может находиться одна. С ней снова происходило все то, о чем мне до этого уже рассказывала Лада. Подруга набрала мне, и я, не раздумывая, по-быстрому собралась, заскочила за ней на машине, и мы поехали к несчастной Варе. Я думала, что подготовлена к тому, что сейчас увижу, но это мне только казалось. Варвара открыла нам после довольно долгих переговоров, во время которых Лада убеждала, что это действительно мы и мы на самом деле стоим на пороге. Наконец дверь распахнулась, и нам предстала взъерошенная Варя с выпученными глазами, под которыми темнели синяки от бессонных ночей. Очень тяжело было увидеть подругу в таком состоянии.

– Как хорошо, что вы приехали! Мне так страшно, так страшно!

Мы прошли за хозяйкой в полностью освещенную квартиру, и тут же в глаза бросились завешенные какими-то тряпками зеркала. Иногда так делают из суеверия, когда кто-то умирает в доме. Чтобы душа его не пугалась отражения, чтобы не заблудилась в зеркальном коридоре, чтобы не забрала с собой... Разные на эту тему есть поверья. Но Варя жила одна, и никто не мог здесь умереть, к тому же кто-то, а ведьма-медиум не стала бы завешиваться от душ покойных. Хотя в свете последних событий, может быть, она очень не хотела, чтобы чья-то душа проникла через зеркало? Но Варвара вообще не использовала зеркала для связи с потусторонним миром. Не зеркальная гладь, а сама она была проводником. Однако я столько раз уже ошибалась, может быть, я просто не знаю чего-то и на этот раз. Вдруг она пытается защититься от визитов Антона?

– Зачем ты все завесила, Варь? – воскликнула тем временем Лада, которая, стало быть, задавалась теми же вопросами, что и я. Значит, в прошлый раз, когда она сюда приезжала, тряпок еще не было.

– Чтобы случайно не посмотреться! – тяжело дыша, ответила Варвара.

– Почему? Почему нельзя смотреть?

– Потому что там не всегда я! – выпалила она. – Я себя не узнаю, я сначала думала, что у меня видения, а потом поняла, что там вместо меня кто-то другой отражается!

Я отогнула край тряпки на зеркале в прихожей, чтобы убедиться, что там нет никого, кроме меня. Истерический крик заставил меня отпрянуть.

– Не снимай! – заорала Варя. Я выставила руки вперед, демонстрируя, что не снимаю, и отступая еще на несколько шагов.

– Варь, я просто хотела проверить, посмотреть, что там. Вместе ж не так страшно увидеть!

– Не трогай, – просипела она. У меня комок застрял в горле, и сильно захотелось заплакать. До боли стало жалко подругу, с которой сейчас происходило что-то ужасное и, казалось, непоправимое.

– Пойдем где-нибудь присядем, – ровным тоном произнесла Лада. – Что мы тут в прихожей толчемся, даже не разулись еще. Тебе нечего бояться, ведь мы рядом. Что бы ни произошло, мы тебя защитим.

– Ага, как же, есть вещи, от которых не спастись. Вам уж это хорошо известно, – ядовито вдруг произнесла Варвара, и я поняла, что она имеет в виду жертву, которую кому-то из нас предстоит принести. Я не стала отвечать. Я допускала, что она и впрямь видела что-то сверхъестественное, и это было неудивительно. Но выглядела она так, словно действительно сошла с ума. Неопрятный вид, беспорядок в квартире. Я бы не удивилась, увидев обклеенные фольгой окна.

Наконец она провела нас в одну из трех комнат своей квартиры. Мы расположились в гостиной. Я и Лада сели на диван, а Варя металась перед нами, то хватаясь за голову, то вздев руки вверх. Лада порылась в сумочке и достала оттуда один из своих знаменитых пузырьков, который предусмотрительнохватила из дома, а может быть, всегда носила с собой.

– Варь, давай я тебе накапаю успокоительного, ты придешь в себя и все нам расскажешь. Варвара на мгновение замерла, с подозрением глядя на склянку.

– Это же не валерьянка? – прищурившись, сказала она скорее утвердительно, чем вопросительно.

– Нет, конечно, – улыбнулась Лада. – Это одно из моих средств. Я...

– Не надо магии! – перебила ее криком Варвара. – Не надо ничего магического! Я и так тут схожу с ума от всех этих потусторонних вещей, я больше не хочу, я не хочу, чтобы это лезло ко мне, как оно меня находит?! Оно везде, в зеркалах, в оконных отражениях!.. – Тут я обратила внимание, что шторы тоже были задернуты, несмотря на то, что на дворе стояла глубокая ночь. Даже на экран телевизора Варвара накинула какое-то покрывало. Я окинула взглядом стенку. Повезло, что поверхность не полированная, а матовая, и ничего в ней не отражается. Как бы она шкафы до потолка завешивала?

– Что тебя находит, Варь? Кого ты видишь? – тихо и спокойно спросила Лада.

– Я не знаю, кто это. Какие-то сущности. Сначала они мне только снились. – Варя снова заходила по комнате. – Затем я стала видеть чужое отражение.

– А чье?

– Я не знаю! – голос срывался. – И это не какое-то чудовище уродское, это просто другая женщина, но не я! И вроде бы все в ней как у человека, но есть что-то нечеловеческое, поэтому выглядит невообразимо страшно. Это невозможно объяснить, это ужас, который зарождается где-то в груди и расползается по всему телу, ощущение холода и темноты, и все это внутри меня... Я не знаю, как сказать!

Она вдруг опустилась на ковер и закрыла лицо руками, ее плечи часто вздрагивали.

– Одна и та же женщина? – продолжала прошупывать почву Лада. – Если да, то, возможно, это и правда какая-то конкретная сущность?

– Да откуда я знаю, – всхлиывая, простонала Варя. – Я ж не разглядываю. Я как первый раз увидела, так перепугалась дико, чуть зеркало не расколотила! А после второго раза уже завешивать стала. А она в другом месте. А потом у нее за спиной еще кто-то, это когда в окнах.

Мы молча слушали.

– А сегодня оно уже в комнату прошло, и я поэтому и позвонила. Несколько дней не было, я уже даже успокаиваться стала, а потом вдруг оно из стекла полезло, а еще Антон этот треклятый.

Лада взволнованно подалась вперед.

– А что Антон?

– Сначала только голос его в ушах раздавался, ну, все про то, чтобы я его вернула. Я не выдержала, сказала, что это уже невозможно. И он появился!

– Вот прямо так, при полном свете?

– Да! Но он был размытый и прозрачный... Я бросилась Ладке звонить, а потом схватила икону и крестик... Я не ношу, но у меня есть бабушкин, я стала махать иконой прям перед ним, он какое-то время еще постоял, улыбаясь злобно, а затем пропал. И вскоре вы приехали.

Мы переглянулись. Лада сидела очень хмурая. Мой разум тоже не пестрел радостными мыслями. Я не чувствовала здесь магии. То есть квартира ведьмы не могла быть полностью чистой от ее дара, но тут давно не происходило ничего сверхъестественного. И размахивание крестиком с иконой перед призраком тоже как-то не походило на способ изгнания бесов. Я закрыла глаза и полностью сосредоточилась, постаравшись не замечать причитания Варвары. Я не чувствовала магии, но я явственно ощущала болезнь. Мне так горько было это признавать, но наша подруга действительно тронулась умом.

К нам с Ниной не приходили душевнобольные, и их не приводили родственники. Тем не менее я готова была попробовать помочь Варе, и Лада обязательно поддержала бы своими силами, но только Варвара теперь и слышать об этом не хотела.

Она боялась оставаться одна в этой квартире, наполненной сущностями, как она их назвала, но выходить из дома ей тоже было страшно. Я еще раз прошла по комнатам и снова ничего не почувствовала. Я не была медиумом и не умела связываться с умершими, но если бы что-то тут присутствовало сейчас или недавно, я бы ощутила. Не знаю, почему не распознала я это тогда в Антоне... Даже если он и был практически человеком, создали-то его с помощью магии. Кто прятал этот след от меня? Или я просто не искала?.. Ведь когда Нина заявила ко мне с молодым симпатичным мужчиной, мне и в голову не пришло подумать, что в этом участвовали какие-то силы. А когда не ищешь, вряд ли найдешь. Как в стихотворении каком-то: «Здесь мало увидеть, здесь нужно всмотреться... Здесь мало услышать, здесь вслушаться нужно...»

В общем, надо было принять, что Варя сошла с ума и помощи от ведьм она не хотела. А просто как подруги мы могли лишь постараться убедить ее обратиться к врачу.

В ту ночь мы, конечно, уже никуда не поехали, остались ночевать. И даже уговорили ее поспать, но она не отпустила нас в другие комнаты, заставила остаться с ней. В итоге мы втроем улеглись в спальне на кровати, которая, хоть и была широкой и удобной, для троих все-таки не предназначалась. Я почти не спала, Лада тоже не могла заснуть и отключилась только утром, зато Варвара, как только расположилась между нами, вырубилась сразу и заснула богатырским сном, периодически всхрапывая. Ну, хотя бы она отоспится после своих кошмаров по-человечески.

* * *

Проснулись мы все где-то аж около полудня. Наша Варвара наконец выспалась и выглядела поздоровевшей. Мы с Ладой, напротив, еле встали и тут же потащились на кухню за дозой кофеина. Мне почему-то казалось, что Варя будет смущаться вчерашних истерик и сбивчивых рассказней про посещения сущностей и чужие отражения, но она совершенно спокойно продолжила эту тему. Правда, уже не впадая в панику, не заливаясь слезами и без метаний по комнате.

Лада тоже постаралась спокойно и уравновешенно обсудить происходящее.

– Варь, послушай, – начала она, когда мы уже проглотили по огромной чашке кофе и сварили по второй. – Мы очень хотим тебе помочь и готовы сделать что угодно, но ты скажи, какой помощи ждешь?

Варвара немножко смутилась. Она кусала губы и ногой отстукивала такт какой-то одной ей слышимой песни. Пожав плечами, она произнесла:

– Ну, не знаю. Может быть, дом очистить?

– Но ты же не хочешь никакой магии, – продолжила Лада. – Как мы будем его чистить? Или ты просишь, чтобы мы батюшку пригласили?

Варя наморщила лоб и задумалась. Батюшку она, видимо, не хотела. Если он придет, то придется по всей квартире. А что делать с ритуальной комнатой, наполненной соответствующей символикой? Прятать это все по коробкам? А потом вытаскивать снова, словно приглашая своих этих сущностей, мол, возвращайтесь, он ушел!

– Нет, священника не надо, – услышала я подтверждение своих мыслей. – И магии не надо, ты права.

– А ты сейчас можешь посмотреть в зеркало? – вдруг пришла мне в голову мысль. – Середина дня, светло, не страшно, мы рядом... Мы же должны знать, что там все-таки скрывается.

Варя с кислой миной на лице снова замолчала. Ей явно было с нами не так страшно, но что-то мешало согласиться. Лада поддержала мое предложение, и наша подруга наконец сдалась. Мы отправились в прихожую, где в дверце шкафа было самое большое зеркало, почти в человеческий рост. Мы с Ладой встали перед зеркалом, а Варвара спряталась сзади, я сорвала со стекла тряпку, и мы дружно уставились в отражение. Там мы увидели две наши заспанные физиономии, а за ними – Варино постное лицо, выглядывавшее из-за наших плеч. И все. Никаких сущностей. Конечно, надо было это ночью делать, но какое там!..

Я уже было открыла рот, чтобы сказать что-то ободряющее и доброе нашей подруге, что мы всегда поддержим и бояться нечего, но вдруг мне в ухо вонзился истерический вопль. Я отшатнулась в сторону, Лада, тоже оглушенная, отскочила в другую. Варя вопила, с ужасом показывая пальцем в зеркало.

– Вот, вот она! Проявляется! Мое лицо меняется, смотрите, неужели вы не видите?!

Она кричала надрывно, хрипло, я испугалась, что сейчас сбегутся соседи и начнут трезвонить в дверь. Я заглянула в зеркало, искренне надеясь увидеть то, что видит Варвара, и понять ее, но там отражалась только она с перекошенным лицом.

– Она глумится надо мной и над вами! Сделайте же что-нибудь!

– Варя, Варя, – Лада мягко, но крепко взяла ее за запястья, загораживая собой отражение. Я поскорее подняла с полу тряпку и завесила зеркало от греха подальше. – Тихо, Варя. Мы тут, мы с тобой.

– Я закрыла зеркало, ты больше ничего не увидишь, – вторила я.

Варя изумленно оглянулась по сторонам, словно только что тут появилась.

– А что случилось? – спросила она, и я в недоумении воззрилась на Ладу. – Мы будем проверять зеркало или как?..

* * *

В тот день мы задержались у нашей обезумевшей подруги до вечера, а затем я отвезла их обеих к Ладе. Это был очень тяжелый день, полный слез, криков и споров, обвинений в предательстве и непонимании, убеждений и успокоений. Мы пытались донести до Варвары тот факт, что она, возможно, нездорова и у нее появились видения, но только как такое можно объяснить человеку, который полностью уверен, что все это существует в реальности. Если б еще она не была ведьмой и не верила в сверхъестественное, то, возможно, доказать что-то было бы проще.

Но как может медиум, проводивший обряды, читавший заклинания, многократно общавшийся с душами умерших и даже видевший потусторонний мир, признать то, что вот именно в данный момент ему все мерещится. Намного проще поверить, что нечто враждебное исторгла та сторона и темные силы вышли из-под контроля, чем в то, что ты просто сумасшедший.

Мы очень долго говорили и ссорились, плакали все втроем друг у друга на плече, но все-таки по крупинкам, по частичкам смогли выстроить картину происходящего так, что она предстала перед Варей, и она приняла это.

Пока мы дискутировали, она бегала, разгоряченная, махала руками, кричала на нас. Когда все же поверила, что мы говорим правду, села на краешек дивана, обхватив себя руками, словно ей было очень холодно, и молча сидела, качая головой. Я взяла ее ладонь: пальцы и правда были ледяными. Лада принесла плед и укутала ее, я заварила чаю. Мы утешали ее, обещали поддерживать, что бы ни случилось. Она вдруг вспомнила, что сама уже думала про клинику. Но это было давно, в самом начале, когда она только начала что-то странное видеть и слышать. А потом уверилась, что все это по-настоящему. И чем необычнее было происходящее, тем сильнее она в это верила.

– Это что же, меня положат в психушку? – Рот Вари кривился, она еле сдерживалась, чтобы снова не разреваться. – Вот прямо к чокнутым, полоумным совсем, и мне будут давать кучу таблеток?

– Да что ты, – успокаивала Лада. – Это ты фильмов насмотрелась. Есть отличные клиники, они как санатории. У меня когда-то знакомая с паническими атаками там лежала. От меня помощи не хотела ни в какую и прошла в одной из таких клиник курс лечения. Очень осталась довольна, и до сих пор у нее все в порядке.

– Правда? – всхлипывая, повторяла Варя. – Правда, так можно?

– Ну конечно. Там и кормить будут хорошо, и палату одноместную можно...

– Нет! – вскричала Варвара. – Только не одноместную, я боюсь! Боюсь одна оставаться!

– Так неодноместную еще проще, – подключилась я. – И мы будем постоянно к тебе приезжать. Это ж бывает даже от чрезмерной усталости или нервного напряжения. Сколько ты всего насмотрелась, вот оно тебя и перегрузило. А там и психологи, и атмосфера приятная, и массаж...

– Массаж? Серьезно?

Лада покивала. Ее подруга действительно лежала в одной из таких клиник, денег, правда, отдала немало, но оно того стоило. После выкидыша ее муж не выдержал и ушел, и она, потеряв его и ребенка, впала в тяжелейшую депрессию и чуть не покончила с собой. И панические атаки начались, и кошмары мучили. А в клинике ей помогли.

Лада принялась звонить той подруге, чтобы узнать, в какой конкретно больнице та лежала, я тем временем просмотрела в интернете еще несколько. Одна из них располагалась за городом и впрямь выглядела как санаторий, причем хороший, с ухоженной территорией и красивым корпусом, и в целом напоминала усадьбу. Сейчас там должно было быть все засыпано снегом. Варя заглядывала через мое плечо в ноутбук.

– Красиво. Не верится, что это дурдом.

– Потому что это не дурдом, Варь. А клиника неврозов.

– Марин, ты что-то нашла? – поинтересовалась Лада, нажимая отбой на телефоне. – Я дозвонилась в «подругину» больничку, там сейчас все забито.

– Ну, конечно, после осеннего обострения! – У Вари даже появились силы шутить. Мы засмеялись.

– Просто клиника популярная. Но я вижу, эта еще интереснее. Туда бы попасть. Я стала звонить по номеру на сайте.

* * *

В этот реабилитационный центр, как его назвала девушка, ответившая на звонок, попасть было можно.

– Мест свободных очень мало бывает, но они периодически появляются. Вам нужно будет подъехать на первичный прием, врачи побеседуют с пациентом, проведут диагностику, и потом мы вам сообщим, когда можно будет приезжать на заселение.

Первоначальная программа рассчитана была на двадцать один день, как в обычных санаториях, но в дальнейшем сроки могли продлеваться.

Варвара взбодрилась и повеселела. Ей очень понравились фотографии и описание клиники. Скорее всего, самым страшным в принятии своей болезни для нее была мысль, что ее положат в допотопную психбольницу, с десятком коек в ободранной палате и с кучей безумцев вокруг. Попасть в санаторий, где соседкой по комнате, возможно, окажется просто какая-то женщина с неврозом или депрессией, представлялось далеко не так страшно.

– Глядишь, я там еще себе какого-нибудь психа найду! – юморила Варвара. – Будем с ним прогуливаться за ручку, а сзади – парочка санитаров.

Чтобы не оставлять пока Варю одну в доме, который так ее пугал, мы перевезли подругу к Ладе, и несколько дней она жила там. Втроем мы съездили на прием в клинику. Тогда у меня, как назло, забарахлила машина, пришлось ехать своим ходом: в метро и потом на электричке. В метро Варвару накрыл приступ паники, но в электричке, глядя на мелькающие за окнами заснеженные деревья, она отошла и успокоилась. Беседа с медперсоналом прошла нормально, и нам сказали быть наготове, потому что сию минуту все двухместные палаты укомплектованы, но скоро должны выписаться пациенты, и появится возможность занять их койки. Первичный диагноз, который Варю поставили – реактивный психоз с приступами панических атак, но для уточнения требовалось наблюдение. В ожидании своей очереди она все же решила пожить дома, чтобы собрать вещи. Ей вроде стало лучше, и кошмары пока не мучили, а мы с Ладой поочередно навещали ее, иногда оставаясь на ночь.

И вот сегодня ей позвонили из клиники и сказали, что можно заселяться.

– Давай ты отвезешь Варю за город, а я съезжу... тоже за город! Оставлю там амулет. Жаль, что клиника совсем в другой стороне.

– Хочешь, подожди денек, завтра вместе съездим, – сказала я.

– Да нет, мне что-то так захотелось туда, Дом проведать. Доеду сама, все нормально, – ответила Лада, на том и порешили. Мне предстояло извиниться перед Ксюшей за то, что обещала, но не подвезла ее домой, но она неожиданно предложила свою компанию.

– Если ваша подруга, конечно, не будет возражать, – смущенно добавила она. – Мне просто очень хочется посмотреть, что это за место. У меня тоже есть знакомый, которому, кажется, это может понадобиться.

Я не стала лезть с расспросами и набрала Варваре, сообщив, что мчусь к ней на всех парах, только со мной человек, которого она не знает. И ему очень хочется клинику посмотреть, причем интерес это не праздный.

– Да мне-то какая разница! Пусть едет, если ей правда надо. – Недовольства в Варином голосе я не услышала и взяла Ксюшу с собой. У меня даже мелькнула странная мысль, что если вдруг по дороге у Вари что-то начнется, то мне за рулем будет очень сложно ее утихомирить. Может быть, тут и Ксюша окажется кстати. Конечно, мы особо не сможем поговорить на тему Вариной болезни: вряд ли она станет откровенничать при посторонних. Но дело в том, что она и без посторонних не захочет обсуждать эту тему.

* * *

Мы с Варей загрузили ее сумки и чемодан в багажник. Ксения скромно ждала на заднем сидении. Затем Варвара подсела к ней, а я запрыгнула за руль, и мы отправились в загородную клинику.

– Вы подруги? – бесцеремонно спросила Варя у Ксюши. – Или ты ее новая ученица?

Та немного опешила, но потом, улыбнувшись, ответила:

– В каком-то роде.

– Это как?

– Варь, ну ты чего допрашиваешь?! – я глянула на них через зеркало заднего вида: Варя сидела вполборота к моей новой знакомой и внимательно смотрела на нее.

– Ну, а что значит в каком-то роде? – бодро продолжала приставать Варвара. – Ученица или нет?

– Я попросила Марину заблокировать мои силы, потому что не умею ими управлять... и не хочу, – честно призналась Ксения.

– Ого! – Варя выдохнула, отворачиваясь от Ксюши и откидываясь на спинку сиденья. – Вот это правильно! На хрен эту магию. Только одни беды от нее.

Она, кажется, хотела продолжить про то, какие именно беды бывают от магии. Наверное, про ночные сущности и странные отражения. Но, встретив в зеркале мой укоризненный взгляд, все же смолчала, уткнулась в окно и стала равнодушно рассматривать проносившиеся мимо дома. Я не могла понять, в норме она сейчас или снова с ней что-то не то. Скорее бы доехать уже до психиатрического центра.

Глава 12. Чудесное место с послевкусием

– Я прямо чувствую, что все будет хорошо! – повторяла счастливая Варя, вдыхая морозный воздух. – Вот каждой клеточкой тела, честное слово.

Марина с Ксенией, у которой с лица не сходило странное выражение – то ли восторг, то ли изумление – с улыбкой наблюдали, как Варя кружится под медленно падающими крупными снежинками. После Вариного заселения девушки отправились осматривать огромную территорию подмосковной клиники, большую часть которой занимал сосновый лес.

– Девочки, куда вы меня привезли! Какое же вам спасибо! – улыбалась раскрасневшаяся на холоде Варвара. – Жалко, что вы со мной тут не будете отдыхать.

Марина деланно закашлялась в кулак.

– Уж лучше вы к нам, – сказала она. Да, повод для поездки был вовсе не радостным, но здесь царила такая атмосфера, что легко можно было забыть и о болезни, и о проблемах.

Клиника была отличная, персонал приветливый, номер очень комфортный. Пока подруги находились в корпусе, – то стояли в регистратуре, то относили вещи, потом просто пошли изучать помещение, – Ксюша, как хвостик, молча следовала за ними, широко раскрытыми глазами рассматривая все вокруг. Казалось, она хочет запечатлеть в памяти каждую мелочь, чтобы потом рассказать кому-то, какое есть замечательное место: место, где точно помогут.

Соседкой Вари по палате оказалась молодая приятная девушка, на вид очень тихая и дружелюбная. Они перекинулись парой приветственных фраз, а потом Варвара оставила вещи и вместе с Мариной и Ксенией пошла осматривать территорию. Они забрели за корпус. Там сразу начинался лес, и была отправная точка, откуда разветвлялась сеть терренкуров. Вычищенные и хорошо утопанные дорожки разбегались в разные стороны между деревьями. В начале каждой была вкопана табличка с указанием длины пути в километрах. Подруги наугад свернули на одну из тропинок и медленным шагом двинулись по ней. С неба сыпались пушистые белые хлопья, было безветренно. Утрамбованный снег уютно похрустывал под ногами.

– Это зимняя сказка, Марин! – Варя никак не могла нарадоваться. Ей не верилось, что еще недавно она бегала по квартире от полчища призраков, пугалась каждого темного угла, шарахалась от каждого звука. При мысли о клинике перед глазами сразу представляли когда-то увиденные картинки, изображающие одутловатых неухоженных женщин в замызганных халатах, сидящих на железных кроватях или бредущих по унылому больничному коридору. И пока она не поняла, что ее больше пугает, присутствие недружелюбно настроенных призраков или перспектива очутиться в компании сумасшедших, она находилась в постоянном нервном напряжении. Сейчас же все эти ужасы остались где-то далеко позади, может быть, за густым лесом с белыми шапками снега на макушках деревьев.

Конечно, это место, хоть и было лучше многих санаториев, на самом деле имело и другие функции. И в комнатах жили не отдыхающие, а люди, в той или иной мере нездоровые. Но Варя считала, что так ей будет даже проще примириться со своим состоянием, потому что она такая не одна. Здесь очень много людей, которым нужна помощь. И им будут помогать.

Марина словно груз с души скинула, глядя на воспрянувшую духом подругу. Ей очень хотелось верить, что все будет так, как сейчас говорит Варвара. Ксения просто молчала и с наслаждением шла по лесу, вдыхая аромат мороза и хвои. Она только сегодня познакомилась с Варей, но искренне желала, чтобы у той все наладилось. При ней ведьмы причины произошедшего с Варварой не обсуждали, и Марина упоминала об этом лишь вскользь, но Ксюша догадалась, что все как-то связано с магией, которой, похоже, обладали все трое ее новых знакомых. И благодарила судьбу, что вывела ее на Марину и Ладу. Они помогли быстро выпутаться из сетей чуждых и непонятных ей магических талантов, пока она не успела в них погрязнуть.

Вдоволь надышавшись зимним воздухом, девушки вышли по терренкуру к корпусу с его боковой стороны.

– Ну что, пора тебе обживать комнату, – весело сказала Марина, взглянув на часы, – знакомиться с соседкой, разбирать вещи. И скоро, кажется, вас будут кормить, чему я очень завидую, потому что нагуляла дикий аппетит.

При слове «кормить» у Ксении буркнуло в животе, в котором, кроме Ладиных шоколадных конфет и чая, ничего за весь день не побывало. Утром, перед тем, как ехать заговаривать амулет, она от переживаний не смогла впихнуть в себя ни кусочка и отправилась на пустой желудок.

– Здесь точно должен быть какой-то магазинчик, – уверенно сказала Марина. – Хоть пачку печенья, но мы тут купим.

Девушки проследовали в лечебный корпус и проводили Варвару до ее палаты. Марина с Варей на прощанье обнялись.

– Отдыхай, вообще ни о чем не переживай, а мы с Ладой будем тебя по очереди постоянно навещать.

– Ну, вы уж смотрите, зачем так часто, тяжело же, – тактично сказала Варвара, которой на самом деле вообще не хотелось отпускать Марину.

– Не тяжело! Тут так здорово, что я хоть каждый день готова ездить, честное слово. В общем, мы постоянно на связи, звони в любой ситуации, я даже на ночь не буду звук отключать.

– Спасибо, моя хорошая, – растрогавшись, сказала Варя, еще раз обняла Марину, улыбнулась Ксюше и скрылась за дверью комнаты.

– Ну, дай бог, теперь все будет хорошо, – бодро произнесла Марина. – А сейчас – еды, еды, еды!

Подруги спустились с третьего этажа, где была Варина палата, в просторный вестибюль, прошли через него до регистратуры. По пути Ксения вдруг резко обернулась на проходившего мимо кого-то из врачей, но тот уже скрылся в одном из кабинетов. У стойки Марина поинтересовалась, можно ли где-то купить продукты.

– Ну, как такового продуктового на территории нет, но здесь отлично кормят, поэтому самостоятельно готовить никому и в голову не придет, – с гордостью за клинику ответила симпатичная женщина за стойкой, видимо, предполагая, что девушки заранее беспокоятся о кормежке размещенной подруги.

– Да нам бы самим что-то перекусить, – со смехом ответила Марина. – За пациентов-то мы не переживаем, видели на сайте ваше меню.

– Поняла, – улыбнулась женщина. – Вы можете пройти из вестибюля через левый или правый коридор к лифтам, там около каждого выхода стоит автомат с закусками и газировкой. А если что-то посерьезнее, то совсем недалеко от ворот клиники будет придорожное кафе. За качество можно не беспокоиться, мы сами часто там бываем, когда выходной.

– Спасибо. – Марина повернулась к Ксюше. – Думаю, полноценный обед нам сейчас больше подойдет, чем чипсы с колой. Поехали в кафе.

Ксюша рассеянно кивнула, будто погрузившись полностью в себя, хотя только что еще чуть не подпрыгивала от нетерпения, где бы найти поесть.

– Эй, – легонько толкнула ее Марина. – О чем задумалась?

– Да так, ерунда, – отмахнулась Ксения, и они отправились на парковку.

* * *

Марина принялась очищать машину от нападавшего за несколько часов снега, Ксения стояла рядом и опять о чем-то сосредоточенно думала. Хмурое выражение ее лица встревожило Марину.

– Да что с тобой? Ксюш? – Она тряхнула щеткой в сторону Ксении, и в ту полетели маленькие комочки снега. Девушка встряхнулась.

– Мокро же! – Ксюша вытерла лицо и легонько улыбнулась.

– Признавайся, что тебя беспокоит? – не отставала Марина.

– Да все в порядке, я задумалась, – коротко ответила Ксюша и, словно скрываясь от дальнейших расспросов, полезла снова на заднее сиденье, только Марина, углядев это, подбежала и потащила ее за куртку обратно.

– Эй, так не пойдет. Я буду к тебе поворачиваться и перестану следить за дорогой. Садись вперед!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.